

МНѢНІЕ

О

ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНИХЪ РЕЦЕНЗІЙ

НА

„ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ РОССІИ"

Р. Фадѣева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ
Литейный проспектъ, № 39.
1870

Дозволено цензурою. 4-го декабря 1869 г.

Одна изъ главныхъ цѣлей моихъ при изданіи названнаго сочиненія состояла въ привлеченіи общественнаго вниманія къ нашему военному дѣлу. Эта цѣль достигнута. По поводу книги періодическая печать приняла въ свое веденіе военный вопросъ наравнѣ съ прочими. Между рецензіями и книгою оказываются до сихъ поръ, конечно, крупныя недоразумѣнія, что было неизбѣжно по новости предмета. Для сокращенія срока разъясненія я обязанъ, какъ лицо, возбудившее вопросъ, развить опредѣленнѣе стороны дѣла, подающія поводъ къ недоразумѣнію: этого требуетъ важность предмета. Хотя преніе не выходитъ покуда изъ литературныхъ предѣловъ, я думаю, однако же, что всякая мысль, на сколько она основательна сама въ себѣ, имѣетъ большія вѣроятности стать со временемъ дѣломъ.

Я не буду говорить въ этой статьѣ о недоразумѣніяхъ чисто военныхъ. Для спеціали-

стовъ отвѣтъ находится въ самой книгѣ; для неспеціалистовъ нужно, какъ оказывается изъ опыта, болѣе подробное развитіе, котораго я не могу уложить въ журнальную статью. Но я долженъ для себя и для читателей разъяснить теперь же недоразумѣніе, возбужденное самымъ основаніемъ книги—разсчетомъ вооруженныхъ силъ, по моему мнѣнію, для насъ необходимымъ.

Хотя вопросъ этотъ, по сущности своей, сводится исключительно на политическую почву, тѣмъ не менѣе на немъ основывается всякое военное соображеніе. Потребное государству количество войскъ обусловливаетъ въ главныхъ чертахъ все его военное устройство. По мѣрѣ того, какъ измѣняется отношеніе между числомъ войскъ, выставляемыхъ по военному положенію, и численностію населенія, должна измѣняться и военная система. Между тѣмъ всякое государство опредѣляетъ нужныя ему силы вслѣдствіе многихъ соображеній различнаго свойства; никакое не руководствуется въ этомъ отношеніи одною сравнительною статистикою, но мѣряетъ степень своего напряженія географическими особенностями и политическими отношеніями — не только постоянными, но и временными. Послѣ отвлеченнаго вопроса, какую силу можетъ выставить государство? — слѣдуетъ вопросъ практическій: какая сила нужна ему?—На послѣдній вопросъ нельзя дать даже приблизительнаго отвѣта, не составивъ себѣ точнаго понятія о политическихъ отношеніяхъ государства, которыя могутъ вовлечь

его въ войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укажутъ направленіе войны и степень ея напряженія. Такое политическое понятіе, предшествующее всякому военному выводу, можетъ быть не вѣрно или односторонне, что, конечно, отразится на выводѣ; но безъ него нельзя приступить къ военному вопросу, безъ этого основанія предметомъ разсужденія будетъ искусство для искусства, а не дѣйствительность. Мой разсчетъ вооруженныхъ силъ основывается также на законченномъ понятіи о нашихъ политическихъ или, вѣрнѣе сказать, историческихъ, отношеніяхъ (такъ какъ тутъ дѣло идетъ не о текущемъ днѣ). Мысль, на которой построенъ разсчетъ, слѣдующая: ни одинъ изъ близкихъ намъ европейскихъ вопросовъ, и особенно главный изъ нихъ—восточный, не можетъ быть поконченъ мѣстною войною (восточный, напримѣръ, войною на Балканскомъ полуостровѣ); послѣдняя война была въ этомъ отношеніи явленіемъ случайнымъ и исключительнымъ, не повторяющимся дважды. Столкновеніе наше съ Европою, или съ частію ея, можетъ порѣшиться только борьбою съ лица, т. е. войною на западной границѣ; а потому международную силу Россіи надо мѣрять не только преимущественно, но почти исключительно силою, которую она можетъ выставить на западномъ своемъ предѣлѣ, оставаясь въ то же время въ оборонительномъ положеніи на прочихъ границахъ, гдѣ нужно.

Утвержденіе это, несомнѣнное въ моихъ

глазахъ, привело къ недоразумѣнію. Мнѣ замѣчали въ рецензіяхъ, что, кромѣ восточнаго вопроса, никакой другой не можетъ возбудить противъ насъ коалицію, потому что польское дѣло не представляетъ для Европы существенной важности; что восточный вопросъ, какъ показываютъ факты, не поведетъ къ столкновенію на западной границѣ; что союзники 1854 г. не предприняли сухопутной войны вслѣдствіе того, что Англія не хотѣла изъ-за восточныхъ дѣлъ передѣлывать европейскую карту, чего надо ждать и въ будущемъ, и т. д.

На такія замѣчанія можно было бы отвѣчать въ короткихъ словахъ: 1) Коалиція противъ насъ внѣ восточнаго вопроса до такой степени возможна, что въ 1863 году, когда Наполеонъ хлопоталъ въ Вѣнѣ о наступательномъ союзѣ, коалиція чуть было не состоялась. Австрія колебалась нѣсколько дней, и если бы тогдашнее ея правительство было немного рѣшительнѣе (въ доброй волѣ у него не было недостатка), то противъ насъ образовался бы грозный союзъ изъ Франціи, Австріи и Италіи, въ обходъ мало тогда значившей и еще не увѣренной въ себѣ Пруссіи, безъ помина о восточныхъ дѣлахъ. Всякое волненіе Польши грозило и будетъ грозить намъ тою же опасностію. 2) Англія точно—не желала связывать польскій вопросъ съ восточнымъ, но не до такой степени, чтобы признать себя побѣжденною и отказаться отъ своихъ требованій на востокѣ для избѣжанія его. Обратить же морскую

войну въ сухопутную зависѣло не отъ западныхъ державъ, а отъ Австріи, которая одна могла открыть союзникамъ доступъ къ нашей западной границѣ. 3) Сухопутная война не вспыхнула по восточному вопросу въ 1856 году отъ того лишь, что мы отступили передъ нею и отказались не только отъ недавнихъ требованій, но отъ давнихъ преимуществъ вслѣдствіе ультиматума Австріи; иначе война легла бы всею тяжестью именно на западную границу. Я бралъ въ примѣръ для разсчисленія силъ послѣднюю войну, причемъ очевидно долженъ былъ руководиться не буквально тѣмъ, что случилось, а тѣмъ, что *непремѣнно* должно было случиться, если бы мы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Я имѣлъ въ виду не случайную и безцѣльную войну, какъ въ 1853 — 1856 годахъ, но войну обдуманную, со средствами, за ранѣе соображенными съ цѣлію. Для многихъ читателей было бы достаточно этого объясненія.

Но такимъ образомъ не былъ бы еще устраненъ источникъ недоразумѣній между книгою и читателями. Основаніемъ приведеннаго въ книгѣ разсчета русскихъ силъ служитъ личный, но, конечно, твердо установленный взглядъ на военно-политическія потребности Россіи. Я не считалъ нужнымъ раскрывать его съ послѣдовательностію въ книгѣ. Начальныя практическія основанія, каково особенное значеніе западной арміи, казались мнѣ очевидными и тождественными, съ какой точки зрѣнія ни смо-

трѣть на нихъ. Недоумѣніе рецензій, — стало быть и читателей, — заставляетъ меня высказаться. Я не могу вдаваться въ подробности и потому не представлю никакого новаго факта; но укажу то соотношеніе между фактами, изъ котораго истекаетъ мой взглядъ.

Сосредоточимся на восточномъ вопросѣ. Онъ дѣйствительно самый существенный для насъ, потому что одинъ только *постоянно* грозитъ намъ враждебною коалиціею. Какъ, во время сильной эпидеміи, всѣ болѣзни носятъ на себѣ ея оттѣнокъ, такъ и по восточному вопросу, покуда онъ стоитъ не разрѣшенный, всѣ причины столкновенія Россіи съ западомъ вытекаютъ изъ него или въ него втекаютъ; онъ служитъ имъ общею связью. Согласиться въ истинномъ значеніи восточнаго вопроса и въ опредѣленіи кореннаго препятствія, не допускающаго до сихъ поръ разрѣшенія его въ русскомъ, т. е. справедливомъ смыслѣ, — значитъ согласиться на счетъ сущности военно-политическаго положенія Россіи — стало быть, и важности для насъ того или другаго основанія военныхъ дѣйствій.

Собственно говоря, недоразумѣніе происходитъ отъ различія понятій на счетъ предѣловъ восточнаго вопроса.

Предѣлы эти чрезвычайно раздвинулись въ текущее столѣтіе. Отъ прежняго восточнаго вопроса осталось одно названіе; все прочее — сущность а размѣры стали иными. Можно прослѣдить съ чрезвычайною точностію внутренній ростъ вопроса по отношеніямъ, въ какія

постепенно становилась къ намъ Австрія при каждой изъ нашихъ турецкихъ войнъ. Никакой барометръ не показываетъ такъ вѣрно погоду, какъ степень непріязни Австріи къ намъ—состояніе восточнаго вопроса, потому что для нея это вопросъ не политическій, какъ для Франціи и Англіи, а свой, жизненный въ такой же мѣрѣ, какъ для насъ—только въ обратномъ смыслѣ.

Въ 1786 г. былъ заключенъ союзъ между Екатериною II и Іосифомъ II для завоеванія, раздѣла и перерожденія европейской Турціи. Въ этомъ союзѣ выразилась въ послѣдній разъ мысль, триста лѣтъ занимавшая Европу, объ изгнаніи невѣрныхъ варваровъ изъ ея предѣловъ, — разумѣется, съ приманкою личныхъ интересовъ. Единовѣріе наше съ балканскими народами значило тогда много для турецкихъ раіевъ и мало для Европы; единокровіе наше съ ними не имѣло значенія ни для кого: стремленія къ народности еще не существовало. Мы отдавали Австріи гуртомъ православныхъ славянъ Сербіи и Босніи, она обѣщала за то помогать намъ въ возстановленіи византійской имперіи; о другомъ преемникѣ для Турціи еще никому не думалось. Славянъ дѣлили, какъ товаръ, между нѣмцами и греками. На такихъ основаніяхъ Австрія могла быть за одно съ нами.

Въ 1807 г. она смотрѣла на дѣло уже другими глазами въ слѣдствіе нежданнаго и успѣшнаго возстанія Сербовъ. Могло ли государство,

населенное 19-ю милліонами порабощенныхъ славянъ, видѣть равнодушно этихъ новыхъ турецкихъ наслѣдниковъ, и гдѣ же?—вдоль границы Кроаціи и Воеводины. Въ дѣйствіяхъ Австріи выказался тогда же новый планъ политики по восточному вопросу, которому съ тѣхъ поръ она слѣдовала неуклонно. Вѣнскій кабинетъ употребилъ въ ту пору всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы разорвать союзъ Франціи съ Россіею, грозившій ему одною только, но для него невыносимою опасностію—уступками со стороны Франціи по восточному вопросу. Для избѣжанія подобной сдѣлки, болѣе, чѣмъ для чего либо другаго, Австрія сначала бросилась въ войну съ Наполеономъ, потомъ отдала за него свою эрцгерцогиню и пошла къ нему въ союзъ.

Она не успѣла, однако же, помѣшать освобожденію Сербіи. Императоръ Александръ, не находившійся еще подъ вліяніемъ Меттерниха, настоялъ на своемъ. Но извѣстно, что затѣмъ произошло. Когда человѣческое чувство и стыдъ передъ своими народами склонили всѣ европейскія правительства, даже англійское, въ пользу грековъ,—одна Австрія оставалась непреклонною и долго тормозила Россію именемъ священнаго союза. Казалось бы, однако же, «великая идея» возстановленія греческой имперіи, а тѣмъ менѣе первый шагъ къ этой еще отдаленной цѣли не должны были пугать племянника Іосифа II-го; но въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени австрорусскаго союза противъ ту-

рокъ, для зоркой Австріи стало ясно, чѣмъ подбитъ восточный вопросъ: тамъ, гдѣ другіе говорили *греки*, она думала уже *сербы и болгары*. Когда истощилось, наконецъ, терпѣніе русскаго правительства и покойный государь повелъ свою армію за Дунай, Австрія, не смотря на священный союзъ, выбивалась изъ силъ, чтобы набрать противъ Россіи такую же коалицію, какую удалось ей составить 25 лѣтъ спустя. Она оказалась несравненно рѣшительнѣе Англіи; въ Вѣнѣ прославляли каждую минутную нашу неудачу, какъ патріотическое торжество. На тотъ разъ только довѣріе Карла X къ слову императора Николая Павловича не разрушать Турціи и родственно дружескія отношенія съ Пруссіею избавили насъ отъ враждебнаго союза.

Съ тѣхъ поръ дѣйствительность уяснялась съ каждымъ днемъ. Задолго до восточной войны Европа, съ голоса Австріи, кричала о панславизмѣ. Событія 1848 года, выказавшія живучесть австро-славянскихъ населеній, не могли, конечно, задобрить владычествующіе классы и племена австрійской имперіи къ славянскимъ населеніямъ Турціи. Тайные переговоры, предшествовавшіе восточной войнѣ, до сихъ поръ мало извѣстны (*). Несомнѣнно, однако же, что Австрія пугливо старалась уладить раздоръ 1853 года, пока не увѣрилась въ готовности Франціи рискнуть войною, и стала раздувать

(*) Кромѣ переговоровъ съ Англіею, которой не принадлежитъ почипъ этого дѣла.

его, когда пріобрѣла эту увѣренность. Возможно ли допустить, чтобы вновь импровизованный императоръ французовъ, только что поднявшій опасное для Европы знамя бонапартовъ, позволилъ себѣ хотя первыя угрожающія демонстраціи, возжигавшія по немногу войну, которой никому не хотѣлось, не зная положительно, что Австрія съ нимъ, т. е. что на него не обрушится священный союзъ? По наружности союзъ этотъ былъ скрѣпленъ между Россіею и Австріею почти въ прежнемъ смыслѣ; Пруссія, хотя недовольная событіями 1851 года, не поколебалась бы, безъ сомнѣнія, между своими старыми союзницами и бонапартовскою Франціею; если бы наружность оказалась дѣйствительностію ꙃ французамъ, вмѣсто Крыма, пришлось бы отбиваться въ Шампаніи. Въ завоевательные замыслы Россіи никто не вѣрилъ, а потому при единодушіи сѣверныхъ державъ невозможно было разсчитывать на Англію. Если бы бывшій священный союзъ заговорилъ громко въ ту пору, на что онъ имѣлъ полное право, зная невинность Россіи во взводимыхъ на нее коварствахъ, Англія отступила бы мгновенно, предоставляя минутному союзнику раздѣлываться, какъ самъ знаетъ. Безъ заручки, съ самаго начала, въ противоположномъ лагерѣ французскія демонстраціи 1853 года были бы безумнымъ рискомъ. Нельзя сомнѣваться поэтому, что нравственною зачинщицею коалиціи 1854 года была Австрія, а не Франція, не смотря на обманчивую постановку фактовъ. Австрія,

конечно, находила выгоднымъ загребать жаръ чужими руками; но она же развязала руки союзникамъ, потребовавъ отступленія русской арміи за Прутъ, заслонивъ отъ насъ Турцію своими войсками; она же въ послѣднюю минуту рѣшила дѣло, положивъ на вѣсы тяжесть своей трехъ-сотъ-тысячной арміи; она же была несговорчивѣе всѣхъ при заключеніи мира.

Совершенно ясно, почему Австрія медлила окончательнымъ рѣшеніемъ въ прошлую войну, въ слѣдствіе чего дѣйствія разъигрались въ Крыму, а не на Вислѣ. Во-первыхъ, Австрія была тогда еще историческою монархіею габсбурговъ, мы были нужны ей для ея германскихъ и италіянскихъ интересовъ; она не хотѣла торопить окончательный разрывъ съ Россіею, надѣясь достигнуть своихъ цѣлей однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, въ чемъ и успѣла (*). Во-вторыхъ, въ 1853—1856 годахъ не было и помину о *рѣшеніи* восточнаго вопроса, развѣ только въ стихахъ Хомякова; споръ шелъ о второстепенныхъ подробностяхъ. Этого, однако же, было достаточно, чтобы Австрія стала во враждебное положеніе, не смотря на опасность потерять столь нужную для нея поддержку Россіи въ другихъ дѣлахъ, нынѣ уже ее не связывающихъ. Что же было бы, если бы *теперь* дошло до *окончательнаго рѣшенія* восточнаго вопроса?

(*) Первая австрійская депеша русскому кабинету по заключеніи парижскаго мира содержала приглашеніе обратить вниманіе на смутное положеніе италіянскихъ дѣлъ.

Позволительно ошибаться одинаковымъ образомъ не болѣе двухъ разъ: два раза равняются несомнѣнному опыту; а съ тѣхъ поръ, какъ Австрія уразумѣла впервые сущность восточнаго вопроса и приняла въ отношеніи къ нему твердо опредѣленную систему политики, мы уже два раза испытали невозможность не только порѣшить, но даже сколько нибудь улучшить дѣла Балканскаго полуострова помимо ея. Въ 1829 году наша армія дошла до Мраморнаго моря, но только на честномъ словѣ ограничиться при мирѣ одними греческими дѣлами въ заранѣе очерченномъ кругѣ (мы не могли освободить Кандію, хотя стояли подъ Константинополемъ). Въ 1854 г. мы вовсе не могли идти впередъ. Оба раза препятствіе было у насъ не съ лица, но съ тыла.

У насъ считаютъ главнымъ препятствіемъ къ вооруженному вмѣшательству въ турецкія дѣла—Францію и Англію. Но въ дѣйствительности Франція и Англія однѣ не могутъ при всемъ желаніи оградить отъ насъ европейскую Турцію, если у насъ развязаны руки на западной границѣ. Нельзя бороться посредствомъ дессантовъ противъ равносильной державы, которой открытъ сухопутный доступъ въ спорную страну—ни по времени, ни по численности. Что значатъ всѣ перевозочныя морскія средства противъ двухъ-сотъ-тысячной арміи, дѣйствующей безостановочно. Въ 1854 году союзники употребили часть зимы и всю весну, чтобы перевезти въ Турцію 60 тысячь солдатъ; по-

томъ имъ нужно было значительное время для устройства обозовъ; до іюня они были прикованы къ морскому берегу и даже до конца не стали подвижными. Силы ихъ возрасли въ Крыму до размѣровъ многочисленной арміи лишь постепенными подвозами въ теченіе цѣлаго года. Между тѣмъ русской арміи достаточно 6-ти недѣль и еще меньше, чтобы пройти отъ Дуная до Константинополя, если она будетъ довольно многочисленна для блокированія крѣпостей въ тылу вмѣстѣ съ безостановочнымъ по возможности движеніемъ впередъ. Имѣя дѣло съ турками, война можетъ подвигаться такъ же скоро, какъ двигаются обозы. Надо думать, что и на Балканскомъ полуостровѣ война пропитаетъ войну, если быстрота похода не дозволитъ непріятелю методически опустошать страну, которая въ такихъ обстоятельствахъ, конечно, не поддастся ему безъ сопротивленія. До сихъ поръ по старымъ преданіямъ мы воевали въ европейской Турціи шагъ за шагомъ, осаждая крѣпости, чему удивлялись въ Европѣ, и къ чему не было необходимой военной причины; въ 1829 г. была, впрочемъ, причина политическая—обезпечить сколько нибудь свой тылъ на случай враждебной выходки Австріи. Для рѣшенія участи европейской Турціи, не смотря ни на какія усилія морскихъ державъ, достаточно, чтобы 150 тыс. войска дошло до Босфора, т. е. на самый широкій конецъ, чтобы 250 т. пришло къ Дунаю. Такая численность не составляетъ вопроса

даже теперь съ нынѣшнимъ устройствомъ, при удовлетворительно прочномъ занятіи въ то же время балтійскихъ и черноморскихъ береговъ и съ отдѣленіемъ еще 50 тысячъ дѣйствующихъ войскъ со стороны Кавказа. Мы можемъ предупредить сухопутную армію западно-европейскихъ противниковъ не только на Балканахъ, но и въ Константинополѣ. Если бы они успѣли, что довольно трудно, встрѣтить насъ подъ этою столицею съ силами, собранными въ 1854 г. въ Варнѣ, послѣ многомѣсячныхъ усилій, то 60 тыс. европейцевъ, сколько бы при нихъ ни стояло турокъ, не отразили бы 150 тысячной русской арміи; да регулярныхъ турецкихъ полковъ и не существовало бы уже въ то время: они были бы разсѣяны раньше въ Европѣ и въ Азіи. Вмѣстѣ съ Константинополемъ достались бы въ наши руки и проливы; укрѣпленія ихъ не могутъ держаться противъ береговой арміи. Разъ же, что входы въ Мраморное море заняты и ограждены достаточною силою, серіозное покушеніе на Турцію со стороны моря, съ цѣлію оспоривать владычество надъ нею, почти невозможно. Самый большой дессантъ, извѣстный въ исторіи, есть дессантъ крымскій — 60 т. войска безъ кавалеріи, обозовъ и съ малою пропорціею артиллеріи. Онъ увѣнчался успѣхомъ вслѣдствіе двухъ особенныхъ причинъ: короткаго (полуторасуточнаго) плаванія и двойной силы противъ встрѣтившихъ его на берегу войскъ. Но дессантъ въ виду превосходнаго числомъ или

даже равносильнаго непріятеля, изобильно снабженнаго всѣми средствами сухопутной войны, поведетъ къ гибели. Армія Веллингтона, привезенная и снабжаемая изъ моря, имѣвшая неодолимое убѣжище на устьѣ Тага, держалась въ Испаніи противъ превосходныхъ, хотя раздробленныхъ, силъ французовъ потому только, что страна была за нее; но представьте обратное отношеніе: могла ли бы французская армія въ 1807—1812 годахъ, окруженная народнымъ возстаніемъ, держаться въ Испаніи противъ превосходныхъ англійскихъ силъ? Именно таково было бы положеніе европейскихъ союзниковъ въ Турціи, если бы мы могли дѣйствовать не оглядываясь; да при этомъ условіи, по всей вѣроятности, мы и не встрѣтили ихъ тамъ. Если бы морскія державы рѣшились защищать Турцію, не имѣя въ виду содѣйствія Австріи, то защищали бы ее одними морскими силами съ такимъ развѣ числомъ сухопутныхъ полковъ, которое можетъ разъѣзжать съ флотомъ, не обременяя его,—но не рисковали бы своею арміею. Многихъ вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что союзники 1854 г. имѣли силу внести войну даже въ наши предѣлы и держаться въ нихъ, но какимъ образомъ?—на сильной береговой позиціи, которую они успѣли укрѣпить прежде, чѣмъ противъ нихъ собралась достаточная сила. Такихъ позицій много и на турецкомъ берегу; но, сидя прижавшись къ морю, въ подобной позиціи, не спасешь оттоманскаго владычества. Въ дѣйствитель-

ности Францiя и Англiя такъ же мало могутъ оградить противъ насъ европейскую Турцiю своими сухопутными силами, какъ Канаду или Мексику противъ американцевъ.

Дѣло въ томъ, что намъ невозможно вести войну на Балканскомъ полуостровѣ безъ позволенiя Австрiи, а этого позволенiя мы не получимъ ни въ какомъ случаѣ. Посмотрите на карту: намъ открытъ доступъ въ европейскую Турцiю только однимъ путемъ—черезъ ворота между юго-восточнымъ угломъ Карпатовъ и устьемъ Дуная; ключъ отъ этихъ воротъ въ рукахъ Австрiи. Переходя Дунай или даже Прутъ, мы становимся тыломъ къ ней. Въ этомъ неловкомъ положенiи первая угрожающая демонстрацiя нашей доброй сосѣдки заставляетъ насъ поспѣшно отступить, какъ было въ 1854 году. Нижнiй Дунай доступенъ только при австрiйскомъ паспортѣ. Въ отношенiи къ намъ географическое положенiе европейской Турцiи уподобляется прочному ящику, крышку котораго составляетъ Австрiя; не приподнявши крышки, нельзя ничего достать изъ ящика— мы уже достаточно это испытали.

Въ 1854 году расказывали, будто князь Паскевичъ сильно настаивалъ передъ почившимъ государемъ о необходимости, разъ рѣшившись на войну турецкую, готовиться, прежде всего, къ войнѣ австрiйской; онъ утверждалъ, что восточный вопросъ можетъ быть распутанъ только въ Вѣнѣ. а не въ Турцiи. Событiя оправдали взглядъ знаменитаго воина.

Покуда Россія владѣла Чернымъ моремъ, можно было попытаться почать ящикъ съ другой стороны—пробить у него дно дессантомъ на Босфоръ. Слѣдствіемъ было бы поголовное возстаніе христіанскаго населенія, параличъ Турціи въ послѣдующіе затѣмъ мѣсяцы и, вѣроятно, конечное ея разложеніе, но только въ чью пользу? Захватъ Константинополя и проливовъ не рѣшилъ бы еще этого вопроса. Его пришлось бы разъигрывать въ сухопутной войнѣ противъ союза, душою котораго была бы все таки Австрія. Въ продолженіе этой войны христіанское населеніе Балканскаго полуострова находилось бы еще въ хаотическомъ состояніи, рѣзалось бы съ мусульманскимъ населеніемъ городовъ; оно не могло бы оказать намъ помощи внѣ своей собственной земли. Для занятія проливовъ и всего полуострова пришлось бы отдѣлить большія силы, чѣмъ сколько ихъ нужно при западной войнѣ для огражденія нашихъ береговъ и сухопутныхъ предѣловъ противъ живой Турціи. Такъ что въ итогѣ захватъ Константинополя съ моря, пока онъ былъ еще возможенъ, увеличивалъ для насъ весьма мало вещественныя вѣроятности окончательнаго успѣха, что я оговорилъ нѣсколькими словами въ «Вооруженныхъ силахъ». Въ вопросахъ текущихъ, неокончательныхъ, каковъ былъ, напримѣръ, послѣдній греческій, черноморскій флотъ могъ бы оказать полновѣсное вліяніе; онъ былъ сильнымъ дипломатическимъ средствомъ, но не особенно важнымъ военнымъ орудіемъ въ виду

предлежащихъ намъ цѣлей. Конечно, нельзя взвѣшивать гадательно нравственнаго вліянія такого громаднаго событія, какъ вступленіе, хотя бы нечаянное, рускихъ знаменъ въ Константинополь; но событіе это было бы во всякомъ случаѣ обоюдо-острымъ мечемъ.

Можно, кажется, заключить, на основаніи неоспоримыхъ фактовъ, что главная препона и главный нашъ противникъ въ восточномъ вопросѣ не Франція и Англія, но Австрія; первыя не болѣе, какъ союзницы ея въ этомъ дѣлѣ, хотя больше шумятъ и становятся на сценѣ впереди ея. Морскія державы сами по себѣ не могли бы загородить намъ дорогу къ Босфору даже оружіемъ; Австрія можетъ остановить насъ, не выпаливъ изъ ружья, однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ. Не только для военнаго человѣка, понимающаго свое дѣло, но для всякаго человѣка, взвѣшивающаго обстоятельства, не можетъ быть истины очевиднѣе той, что вопросъ, обыкновенно называемый восточнымъ, не разрѣшается мѣстною войною на Балканскомъ полуостровѣ; что мы не можемъ даже предпринять войны въ этомъ направленіи, *что бы ни случилось и при какомъ бы то ни было развитіи силъ* съ нашей стороны. Покуда существовалъ черноморскій флотъ, мы могли начать дѣло съ юга, но съ тѣмъ, чтобы кончить тамъ же, гдѣ и теперь придется кончать, если дойдетъ до столкновенія,—на западной границѣ. Не предвидя этого конца въ 1854 году и не готовясь къ нему, мы непремѣнно должны были

попасть въ безвыходный кругъ. Нынѣ же у насъ нѣтъ выбора даже для начала; мы можемъ пройти въ Турцію черезъ Австрію, но не можемъ пройти мимо Австріи. Отъ этой державы не только зависитъ не допускать насъ къ открытому вмѣшательству въ восточный вопросъ, какой бы плачевный конецъ ни придумали для него, но въ ея власти также бросить при этомъ противъ нашей западной границы силы европейской коалиціи или не пускать ихъ; она можетъ по своему удобству прикрывать Турцію вооруженымъ нейтралитетомъ, какъ въ 1854 году, или открыть дорогу на Вислу, возмущая Польшу, какъ грозилась сдѣлать въ 1856 году. Такая роль принадлежитъ исключительно Австріи, что и составляетъ главный смыслъ ея европейскаго положенія. По двумъ нашимъ жизненымъ вопросамъ — восточному и польскому —она можетъ служить вмѣстѣ щитомъ и мечемъ враждебной намъ части Европы, смотря по своимъ интересамъ. Мнѣ сдается, нужно немного терпѣнія, чтобы увидѣть, какъ станетъ разъигрываться эта обоюдная роль.

Рѣшеніе трудной задачи требуетъ прежде всего сознанія заключающейся въ ней трудности. Для того, чтобы обсуждать съ пользою восточный вопросъ, въ предѣлахъ, обыкновенно ему назначаемыхъ, т. е. въ границахъ Турціи, надобно прежде всего признать главное препятствіе, состоящее въ томъ, что мы не можемъ туда пройти. Прямо протянуть руку христіанскимъ населеніямъ Балканскаго полуострова

значило бы отдать ее на отсѣченіе. Возьмемъ въ примѣръ послѣднее греческое столкновеніе. И у насъ и въ Европѣ, между частными людьми и въ дипломатическихъ кругахъ, говорилось, что мы не можемъ остановить Турцію силою, потому что у насъ нѣтъ ружей. Ну, а если бы были ружья? Развѣ могли мы двинуть армію за Дунай, для чего нужно вступить въ независимую Румынію, не выставивъ одновременно на западной границѣ трехъ-сотъ-тысячъ солдатъ (которыхъ, за выдѣленіемъ дунайской арміи, у насъ нѣтъ теперь), т. е. не приготовившись съ начала же къ большой европейской войнѣ? Дѣйствовать иначе значило бы повторить буквально событія 1854 года, получить черезъ нѣсколько дней учтивое приглашеніе очистить княжества или дать себя отрѣзать. Спрашивать, какъ у насъ спрашиваютъ, готова ли Россія поддержать свои требованія въ Турціи силою, —значитъ вести салонный разговоръ. Довольно затруднительно быть готовымъ къ войнѣ, которой нельзя начать. Это странное положеніе ни какъ не временное. Европейскихъ союзниковъ въ восточномъ вопросѣ для насъ не предвидится, а пока стоитъ Австрія, она всегда будетъ щитомъ для Турціи.

Австрія не можетъ поступить иначе. Согласиться на разрѣшеніе восточнаго вопроса не только въ русскомъ смыслѣ, но въ смыслѣ не прямо противоположномъ русскимъ видамъ и чувствамъ значило бы для нея наложить на себя руки. Существованіе свободныхъ славянскихъ

государствъ рядомъ съ обширными порабощенными славянскими областями, не только однокровными, каковы онѣ въ отношеніи къ намъ, но составляющими одинъ народъ и одинъ языкъ по обѣимъ сторонамъ Савы, совершенно несовмѣстно. На одномъ берегу рѣчки, черезъ которую курица перейдетъ въ бродъ, будутъ вольныя скупчины и радостное будущее; на другомъ постепенное исчезновеніе народной личности, онѣмечиваемой или омадьяриваемой, а до тѣхъ поръ существованіе въ качествѣ низшей расы, безъ малѣйшей надежды впереди,—развѣ это сбыточно? Австрія поплатилась италіянскими владѣніями за то, что допустила существованіе рядомъ съ ними маленькаго независимаго италіянскаго государства. Какимъ образомъ ожидать, чтобы она согласилась на созданіе, вдоль своей южной границы, славянскаго Піемонта, который по однородству стихіи внесетъ разложеніе уже не въ одинъ уголъ ея владѣній, а въ самое тѣло имперіи? Развѣ мы добровольно признали варшавское герцогство въ 1807-мъ году? У Австріи на виду только два исхода: или славяне по ту сторону Савы будутъ приведены ею въ положеніе венгерскихъ словаковъ, или славяне по сю сторону до Саксоніи станутъ въ положеніе княжеской Сербіи. Мудрено предлагать Австріи справедливое рѣшеніе восточнаго вопроса. Одна возможность такого оборота въ будущемъ была большою опасностію для нѣмецкой Австріи, опиравшейся на совокупности силъ германскаго союза; она стала смертельною опасно-

стію для Австріи венгерской, особенно для ея восточной половины, гдѣ весь политическій устой заключается въ одной трети населенія противъ двухъ третей. Для этой половины страшны не только славяне, но и румыны.

Говорятъ, фантастическій Іосифъ II завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ, если придетъ крайность, обратить габсбургскую манархію въ славянское царство. Многіе филантропы совѣтуютъ правительству Австріи отвратить опасность справедливымъ обращеніемъ съ славянскими подданными. Но, кромѣ чеховъ, сжатыхъ въ тискахъ разросшеюся Германіею, австрійское правительство нигдѣ не владѣетъ прямославянскими населеніями; оно владѣетъ господствующими классами и племенами не-славянскими, которымъ эти населенія подчинены. За немногими исключеніями землевладѣніе, историческія права и воспоминанія, провинціальное устройство не въ рукахъ славянъ. Развитое сословіе и разумъ послѣднихъ заключаются въ сельскомъ духовенствѣ и сельскихъ учителяхъ. Таково же было (если только можно сказать—было) положеніе народа въ западныхъ губерніяхъ—даже съ тѣмъ сходствомъ, что въ Польшѣ, какъ теперь въ Австріи, чужеземное владычествующее сословіе опиралось на ядрѣ владычествующаго, хотя по имени, народа и на городахъ, чуждыхъ и враждебныхъ деревнямъ. Посовѣтуйте польскимъ панамъ признать справедливость народныхъ требованій большинства, пойти добровольно на уступку, которой до сихъ поръ не можетъ вы-

нудить у нихъ всесильное правительство, ни очевидность подавляющей силы, стоящей за этимъ правительствомъ, и потомъ совѣтуйте то же самое австрійскимъ нѣмцамъ и мадьярамъ, знающимъ несомнѣнное превосходство своей организованной силы надъ раздробленными влеченіями подвластныхъ. Австрійское правительство не могло бы возстановить самостоятельность славянъ даже во имя демократическаго начала, такъ какъ рознь идетъ тамъ не только между сословіями, но и между народами. Притомъ какой же разсчетъ правительству мѣнять поддержку, находимую имъ у владычествующихъ, политически устроенныхъ племенъ, на сочувствіе стихійныхъ силъ,—особенно, когда, за выдѣломъ Галиціи, мѣшающей, а не способствующей прочимъ славянамъ, владычествующія племена и области въ остальной части имперіи равны по численности съ порабощенными?

Тѣмъ не менѣе народное чувство австрійскихъ славянъ—нельзя сказать зрѣетъ, но разжигается съ каждымъ днемъ; для того, чтобы зрѣть, складываться въ законченную форму, ему недостаетъ общественнаго простора и согласія, невозможнаго тамъ, гдѣ нѣтъ и не можетъ быть покуда опредѣленной практической цѣли. Внутреннія славянскія смуты не страшны ни цѣлой Австріи, ни ея венгерской половинѣ. Чехи и хорваты могутъ только волноваться, прочіе славянскіе подданные—только роптать. Австрія похожа на заряженную пушку, которая безъ посторонней искры простоитъ

вѣка безопасно, но выпалитъ, какъ только искра до нея коснется. Разумѣется, противъ опасной искры приняты предосторожности, и ни на Австрію, ни на Венгрію нельзя за то сѣтовать.

То же самое, только въ болѣе грубой формѣ, повторяется на южномъ берегу Савы. И тамъ опасность для владычествующаго народа заключается вся въ славянскомъ племени. Призракъ восточной имперіи разсѣялся на нашихъ глазахъ; распря изъ-за епископовъ показала наглядно, какъ охотно болгары приняли бы греческихъ чиновниковъ. Нѣтъ невозможности возстановить греческую имперію силою, но ни возстать сама собою, ни удержаться она не въ состояніи. Если бы вопросъ шелъ объ однихъ грекахъ, онъ бы давно пересталъ быть вопросомъ. Греціи могутъ принадлежать Эпиръ, Ѳессалія, юго-восточный уголъ Македоніи, Кандія, Кипръ и мало-азійскіе острова,—вотъ предѣлы эллинскаго племени. Остальныя греческія населенія въ турецкой имперіи слишкомъ малочисленны и разсѣяны, чтобы думать о господствѣ. Константинополь лежитъ болѣе чѣмъ на сутки пароходнаго плаванія отъ ближайшей эллинской почвы и былъ бы развѣ колоніею въ рукахъ грековъ; а народъ, котораго всего на все наберется едва ли до трехъ милліоновъ на материкѣ и островахъ, не можетъ владѣть въ видѣ колоніи отдаленнымъ городомъ съ милліоннымъ населеніемъ, въ большинствѣ ему чуждымъ. Храбрыхъ и умныхъ грековъ можно

было бы выдѣлить безобидно даже для самой Турціи. Европа притѣсняетъ ихъ изъ-за того, во первыхъ, что они представляютъ собою выдавшійся конецъ клубка: боятся удлиннить его, чтобы весь клубокъ не размотался и не обнаружилась бы его славянская сердцевина; во вторыхъ, оттого, что они чужды Европѣ, какъ православные (Кто можетъ сомнѣваться, что грекамъ давно уже была бы оказана справедливость, будь они католики или протестанты: достаточно было нѣсколькихъ убійствъ сирійскихъ католиковъ, чтобы на помощь имъ прилетѣлъ французскій отрядъ). Полное освобожденіе греческаго народа могло бы совершиться помимо восточнаго вопроса, не трогая его сущности. Дѣло не въ грекахъ. Кромѣ особаго полуострова, занятаго эллинскимъ и албанскимъ племенами, составляющаго какъ бы особый наростъ на большомъ полуостровѣ Балканскомъ, все остальное въ европейской Турціи— отъ Далмаціи и Дуная до Константинополя — славянское. Полвѣка тому назадъ между славянствомъ турецкимъ и австрійскимъ не обнаружилось еще ни прямаго соприкосновенія, ни сочувствія; освобожденіе Сербіи создало его. Конечно, Венгрія не можетъ забыть, что въ 1848 году вольные сербы приходили на помощь къ братьямъ своимъ, ея подданнымъ. Струя проточной воды и цвѣтъ шлагбаумовъ не могутъ разъединить нравственно эту массу славянщины, простирающуюся отъ Архипелага до Саксоніи, съ той минуты, какъ племенное со-

знаніе проснулось въ ней. Австрія можетъ сдерживать свою половину до тѣхъ лишь поръ, пока Турція сдерживаетъ свою, и обратно. Эта роковая постановка дѣла обусловливаетъ отношенія Австріи къ восточному вопросу даже помимо воли ея государственныхъ людей. Турецко-славянскія и австрійско-славянскія дѣла переплелись въ такой безвыходный клубокъ, что нѣтъ никакой возможности расплесть одну его половину, не трогая другой.

Вотъ образчикъ отношеній Австріи, а по ея примѣру и всей западной Европы къ балканскимъ туземцамъ. Французская печать проговорилась, что въ 1863 году между тюльерійскимъ и вѣнскимъ кабинетами обсуждались слѣдующія условія союза: Австрія отдаетъ Венецію Италіи, а Галицію возрождающейся Польшѣ, въ замѣнъ же ихъ возьметъ себѣ Боснію съ Герцоговиною, Сербію и Румынію. Свободные и несвободные—не только славяне, но всѣ православные дунайскіе народы — промѣнивались въ неволю гуртомъ по стольку то душъ за каждую освобождающуюся европейскую (въ томъ числѣ и наши бѣдные русскіе Галиціи). Для Австріи (въ чемъ многіе согласны съ нею) только и возможно такое рѣшеніе восточнаго вопроса: взять себѣ, что можно (приблизительно до Балканъ); неподходящее для себя отдать кому нибудь другому изъ европейцевъ, напримѣръ, Албанію—Италіи, высматривающей уже свой пай въ турецкомъ наслѣдствѣ; чего нельзя взять покуда, оставлять въ рукахъ ту-

рокъ; Турцію вознаградить Кавказомъ—грузинами и грузинками, на что паши согласны; въ крайности (можетъ быть) замѣнить за Балканами турецкое насиліе греческимъ, къ пагубѣ грековъ и болгаръ; но ни подъ какимъ видомъ не давать самостоятельности ни одной славянской душѣ. Если бы въ Россіи продолжали смотрѣть на восточный вопросъ съ европейской точки зрѣнія съ надеждою разрѣшить его походомъ за Дунай (причемъ естественно и вооруженныя силы пригонялись бы къ такому концу), то исходъ, по всей вѣроятности, былъ бы близокъ къ вышеизложенному.

Выходитъ, кажется, что отъ историческаго восточнаго вопроса, т. е. отъ вопроса о безсиліи Турціи, осталось нынѣ одно названіе. Пока съ легкой руки лорда Чатама хлопотали о немъ цѣлое столѣтіе, подъ нимъ выросъ и заглушилъ его вопросъ еще болѣе важный, которому нѣтъ другаго названія, кромѣ—вопроса обще-славянскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрослись и спорные предѣлы, обхватывающіе теперь уже не одинъ Балканскій полуостровъ, а все пространство между Рудными горами и Архипелагомъ. Для Европы, не желающей самостоятельности славянъ, восточный вопросъ можетъ существовать и теперь въ его прежнемъ видѣ, какъ занумерованное и не оконченное дѣло о разложеніи Турціи; мы же, русскіе, не имѣемъ причины закрывать глаза передъ дѣйствительностію. Мы должны видѣть въ пресловутомъ вопросѣ то, что въ немъ есть на самомъ дѣ-

лѣ, — родной намъ славянскій вопросъ, окрашенный на картѣ Европы въ два различные цвѣта, но нераздѣльный въ сущности, неразрѣшимый иначе, какъ въ совокупности, потому что взаимнодѣйствіе обѣихъ его половинъ, за и противъ, оказывается нынѣ несомнѣнною, неизмѣнимою никакими случайностями, данною.

Безъ сомнѣнія, славянскій вопросъ въ двухъ его подраздѣленіяхъ—южномъ и сѣверномъ—отличается крупными оттѣнками. Въ Австріи славянство бьется безплодно о стѣны своей клѣтки, но славянинъ какъ человѣкъ, можетъ жить. Въ Турціи ему нѣтъ житья, какъ человѣку. Вѣшаніе священниковъ, удушеніе людей, окунутыхъ головою въ мѣшокъ съ просомъ—всѣ эти дикія выходки татарской орды надъ христіанскимъ населеніемъ дѣйствуютъ иначе, конечно, на русскіе нервы, чѣмъ политическое утѣсненіе въ Австріи; вопросъ о человѣчествѣ идетъ тутъ иногда впереди всякихъ влеченій единокровія и единовѣрія. Въ слѣдствіе того южная славянская группа чаще напоминаетъ о себѣ и требуетъ отъ дипломатіи временныхъ мѣръ, неумѣстныхъ въ отношеніи къ сѣверной. Ежедневные политическіе пріемы не могутъ быть одинаковы тамъ и здѣсь. Тѣмъ не менѣе исторія связала уже оба эти вопроса въ одинъ, срастила ихъ и не допускаетъ частнаго рѣшенія въ одной половинѣ помимо другой. Европа умышленно отвращаетъ глаза отъ опаснаго единства, не хочетъ его видѣть, но понимаетъ очень хорошо; стоитъ вспомнить, какой

переполохъ надѣлало въ ея печати невинное посѣщеніе Москвы славянскими гостями. Мы же не можемъ не видѣть. Мы стоимъ лицемъ къ западу и всходящее солнце не слѣпитъ намъ глазъ.

До сихъ поръ я не отступалъ отъ руководящихъ фактовъ. Не разсужденіе, а факты показываютъ, что намъ нѣтъ больше пути на Дунай въ обходъ Австріи. Такое, повидимому, безвыходное положеніе опредѣлилось съ математическою точностью въ 1854 году и длилось безъ измѣненія до 1866 года. Въ теченіе десяти лѣтъ мы не могли затронуть дѣломъ восточный вопросъ, не накликавъ на себя войну съ англо-австро-французскимъ союзомъ на западной границѣ, не предоставляя нашимъ противникамъ возможности и повода слить въ одно вопросы восточный и польскій. Побѣда Пруссіи перемѣшала карты, нѣкоторые думаютъ, въ нашу пользу. Во всякомъ случаѣ событія 1866 года видоизмѣнили всѣ европейскія отношенія и не могутъ остаться безъ вліянія на постановку восточнаго, т. е. общеславянскаго, вопроса. Нельзя говорить о нашихъ военно-политическихъ отношеніяхъ, не принявъ въ соображеніе новое положеніе Пруссіи. Но тутъ поневолѣ приходится сойдти съ твердой почвы фактовъ; положеніе это никакими фактами еще не обозначилось. Вмѣсто отношеній, доказанныхъ событіями, существуетъ, однако же, очевидность народныхъ стремленій, въ наше время обязательныхъ для правительствъ.

Всѣ знаютъ случай, когда можетъ состояться союзъ Россіи *съ нашею союзницею* Пруссіею, какъ часто говорятъ теперь; случай этотъ — враждебный франко-австрійскій союзъ, періодически разглашаемый газетами (хотя вовсе невѣроятный), направленный собственно противъ Пруссіи, а противъ насъ только рикошетомъ. При такомъ политическомъ сочетаніи, Пруссія согласилась бы, конечно, на большія уступки по восточному вопросу, даже принимая названіе «восточный вопросъ» въ чисто русскомъ смыслѣ. Она заплатила бы эту цѣну за союзъ противъ опаснаго для нея врага. Но внѣ даннаго случая невозможно придумать обстоятельствъ, при которыхъ наша союзница предложила бы намъ свой союзъ; всего менѣе можно ждать отъ нея такого предложенія непринужденно по восточному вопросу. Даже прежняя Пруссія не могла относиться къ нему сочувственно съ нашей точки зрѣнія, какъ только оказалась связь между австрійскими и турецкими дѣлами; а надо помнить, что у прежней Пруссіи были собственные, не нѣмецкіе интересы, стоявшіе впереди ея племенныхъ сочувствій; тогда еще можно было сойтись съ нею по турецко-славянскимъ и нераздѣльнымъ съ ними австро-славянскимъ дѣламъ за очень щедрое вознагражденіе. Теперь же Пруссія стала Германіею. Вся сила ея правительства заключается въ томъ, что оно взяло на себя поруку внѣшнихъ нѣмецкихъ интересовъ, объявило себя щитомъ и мечемъ Германіи:

прусское главенство можетъ устоять только при этомъ условіи. Для Германіи же нѣмецкіе интересы въ Австріи такъ же дороги, какъ въ Пруссіи,—на верхней Эльбѣ и Савѣ въ такой же мѣрѣ, какъ на Вартѣ и Нижней Вислѣ. Въ этомъ отношеніи нѣмецкія стремленія нельзя даже назвать стремленіями: тамъ смотрятъ на нихъ, какъ на неотъемлемое право. Для каждаго нѣмца все, что заключается въ предѣлахъ австрійской имперіи, есть нѣмецкое достояніе,—все, что можетъ прирости къ ней, есть нѣмецкое пріобрѣтеніе. Возьмите какое угодно путешествіе не-австрійскаго нѣмца въ Австрію, какое угодно разсужденіе его объ Австріи, половина книги состоитъ всегда въ охужденіи вѣнскаго правительства за неумѣніе онѣмечить въ продолженіи столькихъ вѣковъ славянъ, румынъ и даже мадяръ, — въ предложеніи мѣръ къ ускоренію этого онѣмеченія и въ выраженіи увѣренности, что въ рукахъ другихъ, болѣе энергическихъ, сыновъ Германіи оно осуществится, причемъ Дунай станетъ исключительно нѣмецкою рѣкою. Въ глазахъ всего нѣмецкаго племени выпустить изъ рукъ даже часть, не только всѣхъ, австрійскихъ славянъ значило бы то же, что для насъ отдать за-днѣпровскій край. Да чего искать сравненія — нашъ остзейскій вопросикъ показываетъ наглядно и буквально взглядъ Германіи на австрійскія области.

Ни одинъ нѣмецъ въ душѣ не согласится признать, на вѣчныя времена, самостоятельность

даже мадяръ; но онъ понимаетъ, что безъ мадяръ, однимъ нѣмцамъ нельзя покуда справиться съ при-дунайскими славянами. Мадяры съ своей стороны также хорошо понимаютъ необходимость взаимнаго союза. Недавно еще первый венгерскій министръ хвалился, что, будь онъ имперскимъ канцлеромъ, онъ мигомъ угомонилъ бы чеховъ. Въ отношеніи къ намъ Венгрія составляетъ авангардъ Германіи, гогенцолерны въ Румыніи—передовой ея постъ. Въ Европѣ и у насъ многіе наивно удивляются какъ терпитъ Австрія прусское вліяніе на нижнемъ Дунаѣ, доказывающее коварное намѣреніе грозной соперницы обойдти ее съ тыла; Австрія, между тѣмъ, остается совершенно довольною. Для нея, въ этомъ направленіи, прусское ли, баварское или собственное руководство значитъ буквально одно и то же—вліяніе нѣмецкое. Ставъ во главѣ Германіи, Пруссія должна по необходимости обезпечивать нѣмецкому племени намѣченные имъ предѣлы, со всѣми передовыми постами. Въ этомъ заключается условіе существованія прусской династіи. Могли бы, конечно, возникнуть обстоятельства (напримѣръ, австро-французскій союзъ), при которыхъ Пруссія не только согласится, но пойдетъ сама на раздробленіе Австріи, какъ имперіи, замѣняя ее Венгріею; но она никогда не пойдетъ противъ нѣмецкаго преобладанія въ австрійскихъ областяхъ: воспротивится всѣми силами такому исходу, развѣ ей самой будетъ грозить уже слишкомъ большая опас-

ность. Но если Пруссія не можетъ допустить самостоятельности славянъ австрійскихъ, то не можетъ также допустить самостоятельности славянъ турецкихъ: вторые—ручаются за первыхъ. Освобожденіе южныхъ дунайскихъ племенъ повлечетъ за собою освобожденіе сѣверныхъ; уже теперь венгерскіе румыны поднимаютъ голову вслѣдствіе полу-независимости румынъ закарпатскихъ. Какъ же глубокомысленному нѣмцу не понять такой простой вещи? Разсчитывая на сочувствіе Пруссія 1866 года въ этомъ отношеніи, мы всегда придемъ къ результату послѣдней конференціи по греческимъ дѣламъ. Прежняя Пруссія могла не быть сообщницею Австріи въ восточномъ вопросѣ; нынѣшняя Пруссія вынуждена къ этому сотовариществу. Австрійскіе интересы въ восточномъ или южно-славянскомъ вопросѣ суть интересы нѣмецкіе, обезпечивающіе историческое преобладаніе Германіи въ долинѣ Дуная и на его притокахъ; а Пруссія нравственно *ручается* за нѣмецкіе интересы и только вслѣдствіе такого ручательства стоитъ во главѣ Германіи.

Послѣ этого можно находить довольно страннымъ распространенное у насъ мнѣніе о прочности прусскаго союза. Старая дружба и родственныя отношенія не помѣшали Россіи стать противъ Прус сіи въ 185 г. даже безъ особенной надобности, ни Пруссіи противъ Россіи въ 1854 г. Этотъ послѣдній случай особенно замѣчателенъ. Прежняя Пруссія, второй членъ

германскаго союза, недавно передъ тѣмъ униженная Австріею, считала себя, однако же, обязанною поручиться противъ Россіи за свою соперницу. Какъ же можетъ нынѣшняя Пруссія-Германія бросить ее на произволъ судьбы при борьбѣ съ чужеземцами? Конечно, въ случаѣ войны съ Франціею, Пруссія согласилась бы заплатить за нашъ союзъ большими уступками даже по славянскому вопросу; но такими же уступками заплатила бы за союзъ и Франція, и уступки эти были бы для нея легче, составляли бы жертву для ея политики, а не для ея народнаго чувства. Кромѣ нѣкоторой взаимности по польскимъ дѣламъ, взаимности совершенно внѣшней, всѣ существенные интересы стоять гораздо болѣе въ разрѣзъ между Россіею и Пруссіею, чѣмъ между Россіею, напримѣръ, и Франціею. Мудрено разсчитывать на союзницу, вынужденную чувствомъ самосохраненія быть въ большей части случаевъ соперникомъ и даже врагомъ своего союзника.

Расширеніе Пруссіи въ Германію ослабило въ отношеніи къ намъ опасность четвернаго союза Англіи, Франціи, Австріи и Италіи, постоянно грозившаго по восточному вопросу, или, скорѣе, ослабило только опасность прямаго наступленія этого союза на нашу западную границу, хотя не устранило ея совершенно: возможность нападенія на насъ съ моря осталась въ прежней силѣ. Но, уменьшивъ одну опасность, расширеніе Пруссіи создало для насъ двѣ новыя: во первыхъ, обративъ по-

литически Австрію въ Венгрію, война 1866 г. отдала ее въ руки правителей, гораздо болѣе энергическихъ, честолюбивыхъ и жадныхъ на захватъ, чѣмъ прежніе, и въ то же время, отгородивъ ее стѣною отъ Европы, предоставила ей свободу дѣйствія только къ югу и востоку, т. е. направила всѣ силы и все честолюбіе этого государства на турецко-славянскія и румынскія области; во вторыхъ, замѣнила для Австріи отдаленную поддержку западныхъ державъ близкою поддержкою сосредоточенныхъ и родственныхъ нѣмецкихъ силъ. Если нынѣшняя венгерская Австрія чистосердечно войдетъ въ свою новую колею, что почти несомнѣнно, то Германія во всякомъ случаѣ постоитъ за нее, какъ за свое собственное добро. Въ обоихъ отношеніяхъ 1866 годъ не исправилъ, а ухудшилъ наше военно-политическое положеніе.

Мы видѣли, что смыслъ и узелъ восточнаго (для насъ славянскаго) вопроса лежитъ не въ Турціи, а въ Австріи. Мы никакъ не можемъ пройдти въ Турцію мимо Австріи. При этомъ условіи, отнынѣ несомнѣнномъ и не подлежащемъ никакимъ случайностямъ, все, что усиливаетъ Австрію, составляетъ новое препятствіе для насъ. Между тѣмъ очевидно, что окончаніе вѣковой распри съ Пруссіею и союзъ съ нею придаетъ Австріи гораздо болѣе устоя, чѣмъ союзъ съ несмежною и шаткою Франціею. Количество силъ, одновременность военныхъ сборовъ и удобство сосредоточивать арміи, не говоря уже о прочности связи, кореня-

щейся въ народномъ чувствѣ,—во всемъ видно явное преимущество перваго союза надъ вторымъ. Если прежде наше положеніе въ восточномъ вопросѣ было затруднительно вслѣдствіе того, что щитомъ для Турціи служила Австрія, то оно стало гораздо затруднительнѣе теперь, когда щитомъ для Австріи служитъ еще Пруссія. Противопоставленные намъ щиты нагромоздились въ три этажа.

Несомнѣнно, что при новомъ положеніи дѣлъ, созданномъ побѣдою Пруссіи, главнымъ противникомъ нашимъ въ восточномъ вопросѣ—о самостоятельности славянскихъ племенъ хотя бы за Савою—будетъ уже не западъ, а центръ Европы, нѣмецкое племя. Къ противодѣйствію политическому присоединилось еще сопротивленіе, внушаемое народнымъ чувствомъ. Но какъ на свѣтѣ не бываетъ худа безъ добра, то объединеніе Германіи, страшно невыгодное для насъ вообще, выгодно въ одномъ отношеніи, открывая болѣе обширное поле для соглашеній, можетъ быть, и для союза. До 1866 года даже самое умѣренное соглашеніе по восточнымъ дѣламъ съ Франціею, свободною въ своихъ дѣйствіяхъ и привыкшею идти объ руку съ Англіею, было сомнительно и безплодно. Россіи представлялась вѣроятность только одного союза — съ Пруссіею — и въ одномъ только случаѣ—если бы западная Европа за одно съ Австріею устремилась противъ нашей западной границы: можетъ быть, но не навѣрное, Пруссія не допустила бы тогда обойдти себя. Те-

перь же, въ виду объединенной Германіи, Франція уже не располагаетъ прежнею свободою дѣйствій и должна искать серіознаго союза съ кѣмъ возможно. Не смотря на газетные толки, никогда нельзя было вѣрить союзу ея съ Австріею, предполагающему возобновленіе соперничества между двумя нѣмецкими державами. Ясно, что австрійское правительство не обладаетъ нынѣ достаточною степенью произвола для такого рѣшенія, стѣсняемое не только пештскимъ, но и вѣнскимъ сеймомъ; ни мадяры, ни австрійскіе нѣмцы не промѣняютъ новую, хотя различную для тѣхъ и другихъ, будущность на прежнее положеніе вещей, и уже никакъ не станутъ лить кровь для его возстановленія. Соглашеніе съ Россіею стало теперь для Франціи гораздо важнѣе, чѣмъ было прежде. Сближеніе затрудняется настроеніемъ французскаго общества, разжигаемаго противъ насъ клерикальною и либеральною партіями вмѣстѣ, задѣтаго за живое своимъ давнимъ сочувствіемъ къ полякамъ, но не интересами, всесильными въ политикѣ. Я вовсе не имѣю въ виду взвѣшивать пригодность того или другаго союза, что можетъ видѣть ясно только правительство и то лишь при опредѣлившихся уже обстоятельствахъ; но всякій видитъ то послѣдствіе 1866 года, что при соперничествѣ, возникшемъ между Франціею и Пруссіею, намъ представляется свобода выбора, которой прежде у насъ не было.

Я думаю, однако же, что намъ нечего обманывать себя въ значеніи какого бы то ни

было союза съ Европою. Положительные, историческіе русскіе интересы такого свойства, что для ихъ осуществленія никто не протянетъ намъ руку охотно. Центръ сопротивленія противъ насъ, какъ мы видѣли, лежитъ въ Австріи; обойдти ее нельзя. Въ то же время, не сдвинувши съ мѣста этотъ центръ сопротивленія, мы не только не будемъ въ состояніи устроить удовлетворительно свои внѣшнія дѣла въ какомъ бы то ни было будущемъ, но дадимъ накопиться великимъ опасностямъ даже для своихъ внутреннихъ дѣлъ. А гдѣ же найдти вѣрнаго союзника противъ Австріи? Несомнѣнно, что Австрія, и даже преемница ея Венгрія, гораздо дороже для Европы, чѣмъ самая Турція. Въ турецкихъ дѣлахъ важенъ только текущій день; всѣ признаютъ неизбѣжную выморочность турецкаго наслѣдства раньше или позже: споръ идетъ лишь о наслѣдникахъ. Между тѣмъ вся Европа хоромъ повторяетъ старую присказку, что если бы Австрія (скоро будутъ говорить Венгрія) не существовала, то ее нужно было бы выдумать, что союзъ (хорошъ союзъ!) дунайскихъ народовъ подъ одною властію необходимъ Европѣ, какъ оплотъ противъ востока. Востокъ значилъ прежде: Турція и мусульманство, теперь значитъ: Россія, славянство и православіе. Въ обыкновенное время Европа, не раздираемая какимъ-либо междоусобіемъ, дружно станетъ за этотъ дунайскій союзъ, Для западной Европы онъ значитъ—политическое равновѣсіе, для центральной Европы—народное вели-

чіе, для клерикальной партіи—спудъ на груди православнаго востока (что въ ея глазахъ важнѣе даже свѣтской власти папы), для толпы—огражденіе цивилизаціи отъ новаго нашествія монголовъ въ лице недавно открытаго московско-туранскаго племени. При такомъ настроеніи, вошедшемъ въ плоть и кровь, всякое противорѣчащее ему соглашеніе, изъ крайности, дается не иначе, какъ съ затаенною мыслію взять его обратно при первой возможности. Съ послѣднимъ выстрѣломъ кончится и уступка; затѣмъ вчерашній союзникъ начнетъ противодѣйствовать ея послѣдствіямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и вчерашній врагъ. Съ кѣмъ Россія ни заключитъ союзъ и какъ побѣдоносно ни будетъ дѣйствовать въ этомъ союзѣ, за нею останется лишь тотъ выигрышъ, который она успѣетъ совершенно закрѣпить во время войны. Но въ великомъ вопросѣ, предстоящемъ Россіи, какъ увидимъ далѣе, нѣтъ такихъ вещей, которыя можно было бы кончать сразу; война можетъ только посѣять, миръ долженъ взростить всходы. Именно этимъ всходамъ будутъ препятствовать враги и союзники явно и тайно. Европейскій союзъ можетъ намъ дать только возможность дѣйствовать не стѣсняясь въ теченіе короткаго срока и бросить въ это время зерна будущей жатвы; но было бы мечтою полагаться на какой-либо союзъ для систематическаго разрѣшенія хотя самыхъ насущныхъ и законныхъ международныхъ потребностей нашихъ.

Говоря мимоходомъ, единственный возможный союзникъ въ свѣтѣ, не враждебный историческимъ задачамъ Россіи,—Америка. Но американскій союзъ, безмѣрно важный для насъ, какъ противодѣйствіе морскимъ силамъ западныхъ державъ, не можетъ помочь намъ на сушѣ.

Говоря о союзѣ, надобно имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что отъ Россіи ни въ какомъ случаѣ не зависитъ создать союзъ; насъ слишкомъ остерегаются, нашъ починъ возбудитъ недовѣріе даже тѣхъ, кому выгодно стать рядомъ съ нами. Россія можетъ только пристать къ одному изъ двухъ лагерей, на которые по временамъ дѣлится Европа. Не владѣя починомъ, трудно направлять событія. Самые жгучіе для насъ вопросы могутъ разгорѣться именно въ то время, когда въ Европѣ не существуетъ никакого прямаго повода къ раздѣленію. При нынѣшнемъ складѣ вещей, когда Пруссія въ силу своего новаго положенія стала въ резервѣ за Австріею, и въ тоже время неприязненное намъ единомысліе западныхъ державъ по восточному вопросу нисколько еще не ослабѣло, мы можемъ подвергнуться единодушному veto Европы въ самую рѣшительную для насъ минуту. Изъ этого видно, между прочимъ, какъ важно для насъ быть готовыми въ военномъ отношеніи, чтобы не пропускать минутъ, не отъ насъ зависящихъ и невознаградимыхъ.

Въ сущности, какъ ни оборачивать великій вопросъ, онъ остается тѣмъ же вопросомъ, неразрѣшимымъ никакими обыкновенными сред-

ствами. Мы стоимъ одни безъ надежды на снисхожденіе передъ разлагающеюся Турціею, куда намъ нѣтъ хода, передъ запрещеннымъ намъ Чернымъ моремъ, передъ насильно-онѣмечиваемымъ и омадяриваемымъ славянствомъ Австріи, передъ стонущими русскими Галиціи, передъ польскими галичанами съ эмиграціею, упорно ожидающими удобной минуты, чтобы снова внести смуту и, если можно, европейскую войну въ привислянскій край и западныя губерніи. Понятно, безъ дальнѣйшихъ объясненій, каково было бы наше положеніе, какихъ жертвъ, какой напряженной борьбы въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ потребовалось бы отъ насъ, если бы главные вопросы, смущающіе нынѣ Европу, созрѣли, наконецъ, и разрѣшились помимо насъ и противъ насъ. Обойдти ихъ нельзя, они сами о себѣ напомнятъ. Вся выгода въ этой игрѣ останется, вѣроятно, за тѣмъ, кто начнетъ ее раньше и будетъ имѣть ходъ впереди. Задача въ средствахъ. Какъ ни велики наши народныя силы (правильнѣе сказать, какъ ни велики *могли бы* быть наши силы), итогъ противниковъ еще сильнѣе. Безъ раздѣленія въ непріятельскомъ лагерѣ, мы не сдвинемъ затрудняющихъ насъ препятствій и въ то же время не можетъ разсчитывать на чистосердечное соглашеніе съ какимъ бы то ни было европейскимъ союзникомъ.

Несомнѣнное, хотя еще весьма отвлеченное, сочувствіе къ намъ сорокамилліонной массы славянскихъ или православныхъ населеній, окру-

жающихъ Россію, не имѣетъ покуда никакого практическаго значенія. Не только эти населенія въ большинствѣ не располагаютъ собою, но даже въ сочувствіи ихъ къ намъ нѣтъ еще никакого опредѣленнаго содержанія; они довольны тѣмъ, что есть на свѣтѣ большой и самостоятельный народъ, близкій имъ по языку или по вѣрѣ,—вотъ и все. Только самыя затоптанныя и безсильныя изъ этихъ племенъ, русскіе галичане и болгары, желали бы прямой нашей помощи. Но все же славяне и православные близки намъ по сердцу. Между тѣмъ главная сила, сдерживающая естественныя русскія стремленія, состоитъ на двѣ трети изъ этихъ же людей, не только не непріязненныхъ, но даже сочувственныхъ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ,—явленіе во всякомъ случаѣ странное, особенно теперь, когда поднятъ вопросъ о національностяхъ. Если бы главная сила французовъ состояла изъ альзасцевъ, говорящихъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ, хотя почти непонятнымъ для пруссака, конечно, Пруссія не упустила бы изъ вида такого обстоятельства. Все равно, кому принадлежатъ тѣла, когда души за одно. Будущее зависитъ для насъ отъ вѣрнаго примѣнія вопроса, что нужно для того, чтобы души были за одно?

Мы раскрыли сущность восточнаго вопроса. Въ немъ неславянское — только одна кайма, именно южная окраина, само собою отпадающая отъ него по немногу. Затѣмъ весь восточный вопросъ есть ни что иное, какъ южная

половина славянскаго вопроса, неразрѣшимая отдѣльно, или разрѣшимая лишь въ смыслѣ прямо намъ враждебномъ. Австрійскія дѣла до такой степени сплетены съ турецкими, что тронуть одну часть дѣла—значитъ тронуть все дѣло; мы можемъ идти на разрѣшеніе великаго славянскаго вопроса въ цѣломъ его составѣ, но не въ состояніи даже подступить къ одной его половинѣ — турецкой. Дѣйствуя иначе, мы будемъ бить по неуловимому призраку и попадемъ въ безвыходной кругъ, какъ въ 1854 году. Ничего хорошаго нельзя ждать впереди, покуда сознаніе такой постановки дѣла не укоренится въ русскихъ умахъ. *Названія имѣютъ великое значеніе, онѣ замѣняютъ толпѣ обдуманное мнѣніе.* Тогда лишь можно будетъ повѣрить, что восточный вопросъ понятъ у насъ, когда онъ окрестится своимъ настоящимъ именемъ, выражающимъ его сущность, будетъ называться «*славянскимъ вопросомъ*». Даже выраженіе «южно-славянскій» не годится, потому что «южно-славянскаго вопроса въ самомъ себѣ, какъ практическаго дѣла, не существуетъ. Когда мы назовемъ дѣло правильно, тогда и славянство пойметъ скорѣе, что мы заботимся не только о себѣ, но и о немъ.

Въ извѣстномъ случаѣ, цѣлое можетъ оказаться легче половины. Какъ ни подступать къ восточному вопросу, — мы ли къ нему подступимъ, или онъ къ намъ, — на рукахъ у насъ все-таки будетъ коалиція съ Австріею въ сердцѣ, если не въ головѣ: придется отступить,

какъ въ 1854 году, или считаться съ этою державою. Но въ такомъ случаѣ, что лучше: вступая въ борьбу съ Австріею изъ-за славянскаго вопроса, найти въ ней многочисленныхъ союзниковъ (взявши предварительно веѳхъ, конечно), или, предпринимая войну изъ-за метафизическаго вопроса въ европейскомъ смыслѣ, встрѣтить въ ней однихъ австрійцевъ? Дунайскій союзъ, какъ выражаются въ Европѣ, окажется несостоятельнымъ передъ нами тогда лишь, когда славянскія племена будутъ знать заранѣе положительно, изъ опредѣлившагося и несомнѣннаго направленія всей русской политики, что мы за нихъ; когда они будутъ увѣрены, что Россія подымаетъ славянское знамя не на часъ, вслѣдствіе временныхъ затрудненій, а твердо и высоко держитъ его, какъ свое историческое призваніе. Національная политика Россіи еще такъ нова, что не могла созрѣть даже въ собственномъ своемъ сознаніи; заграничные родичи не видятъ еще ея и не вѣрятъ ей. Для большинства изъ нихъ Россія по преданію остается Россіею священнаго союза, только съ какою-то новою, не совсѣмъ имъ понятною замашкою. Славяне знаютъ, что въ 1849 году галичане, говорившіе «мы русскіе, мы стонемъ подъ чуждымъ игомъ, отворите намъ двери роднаго дома»—получили въ отвѣтъ: «мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы возмущать подданныхъ противъ ихъ законнаго государя, но съ тѣмъ, чтобъ заставить ихъ покориться ему». Славяне знаютъ, что русскій посланникъ въ

Вѣнѣ, графъ Медемъ, на замѣчаніе своего предшественника Татищева о сочувствіи славянъ къ Россіи, отвѣчалъ: «я знаю въ Австріи только австрійцевъ»,—что этотъ же самый Медемъ выгонялъ нѣсколько разъ изъ посольскаго дома бана Іеллашича, приходившаго къ нему за совѣтомъ въ 1848 году, какъ къ представителю Россіи. Славяне, бьющіеся въ ненавистныхъ имъ нѣмецкихъ тискахъ у себя дома, считаютъ нѣмецкое вліяніе всесильнымъ въ Россіи и не вѣрятъ въ искренность русскихъ дипломатическихъ агентовъ съ нѣмецкимъ именемъ. Недавніе знаки нашего сочувствія къ нимъ выказываются покуда чрезвычайно слабо; изъ 70 тысячъ, исчисленныхъ на самое необходимое пособіе для поддержанія славянскаго развитія на стипендіи и матицы, не собирается ежегодно и трети, хотя заѣзжающіе въ Петербургъ славянскіе гости видятъ, что у насъ частный человѣкъ ни по чемъ бросаетъ 70 тысячъ на прихоть. Славяне знаютъ изъ русской печати, въ какой степени нынѣшніе наши консерваторы сходятся съ бывшими нигилистами въ пренебреженіи къ ихъ судьбѣ; они принимаютъ выраженія сочувствія, доходящія къ нимъ по временамъ, за заявленіе небольшой, лишенной вліянія на дѣла, группы людей и по результату не могутъ судить иначе. Передовые славянскіе люди увѣрились уже теперь, конечно, что сердце Россіи пошевелилось въ пользу единокровныхъ; но, кромѣ того, что мнѣніе нѣсколькихъ личностей, хотя бы крупныхъ, не проникаетъ массу

разомъ, эти передовые люди знаютъ также, до какой степени въ Россіи мнѣніе еще шатко, дѣло не соотвѣтствуетъ слову, а завтрашній день сегодняшнему начинанію; они знаютъ, что Россія не Америка, и что чувство русскихъ людей остаются при русскихъ людяхъ, а дѣла все-таки не видно. Удивительно еще, какъ держится въ славянахъ нынѣшнее ихъ расположеніе къ Россіи и вѣра въ нее. Эти чувства съ ихъ стороны доказываютъ одно только: сознаніе невозможности выбиться изъ тисковъ собственными усиліями, заставляющее ихъ хвататься, даже за такую соломенку, какою была до сихъ поръ надежда на Россію. Но не должно смѣшивать двухъ вещей: безсиліе стать на связанныя ноги не мѣшаетъ обнаружиться громадной силѣ, когда ноги будутъ распутаны.

Все теперь зависитъ отъ насъ самихъ, принимая слово «мы» въ смыслѣ государства и общества вмѣстѣ. Славянскія населенія Австріи и Турціи сочувствуютъ намъ лишь отчасти, и то скорѣе литературнымъ образомъ, даже тамъ, гдѣ они располагаютъ нѣкоторою свободою дѣйствій, какъ въ Сербіи. Иначе не можетъ быть. Развѣ италіянскія населенія горячѣе сочувствовали Піемонту до 1848 г.? Западные славяне не довольно къ намъ близки по исторіи, чтобы безкорыстно питать къ Россіи чувства русскихъ галичанъ; но все же довольно близки по крови, чтобы отличить братскую руку отъ чужой, когда эта братская рука прострется надъ ними, когда они увидятъ пока хотя твердое намѣре-

ніе простереть ее. Теперь они смотрятъ еще вокругъ по всему горизонту, ожидая, не появится ли гдѣ нибудь свѣтлая точка на небѣ,— что очень понятно. Нѣкоторые изъ нашихъ западныхъ родичей, полусвободные, какъ сербы,—горды и хотѣли бы все сдѣлать сами для себя. Въ этомъ отношеніи можно указать имъ на опытъ, на вѣнскій и пештскій кабинеты въ первой линіи, на Пруссію, Англію и Францію во второй, чтобы разувѣрить ихъ окончательно и отнять у нихъ всякую надежду открыть себѣ выходъ собственными силами. Объ австрійскихъ подданныхъ нечего и говорить; они, какъ заживо зарытые люди, будутъ биться о крышку гроба, пока не задохнутся, или пока дружеская рука не приподниметъ эту крышу. Послѣ каждаго усилія и слѣдующаго за нимъ разочарованія, славяне будутъ снова обращаться къ Россіи. Но для того, чтобы разсчитывать на искреннее и дѣятельное сочувствіе къ намъ обѣихъ славянскихъ группъ, на сочувствіе, стремящееся къ практической цѣли, надобно, чтобы Россія дала имъ существенный залогъ своей готовности переходить отъ словъ къ дѣлу, по мѣрѣ силъ и возможности. Всякому заинтересованному понятно, что сила, возможность, время зависятъ не отъ насъ; но для него важна увѣренность въ искренности желанія помочь ему. Всякому понятно также, что государство, населеніе котораго достигнетъ, вѣроятно, къ концу текущаго вѣка ста милліоновъ, не будетъ понапрасну слишкомъ долгое время только желать.

Дать славянамъ эту увѣренность могутъ не дипломатическія депеши, а дѣло, въ которомъ есть своя доля каждому: и власти, и частнымъ средствамъ, и доброму пожеланію русскихъ сословій и корпорацій. Надобно внушить славянамъ увѣренность, что Россія не спускаетъ съ нихъ глазъ, что дѣятели ихъ имѣютъ за собою поддержку, что каждый славянинъ въ Россіи — у себя дома. Привожу только заголовки давно сказаннаго другими. Нужно дать средства хотя не изобильныя, но достаточныя для поддержанія умственнаго славянскаго движенія, по крайней мѣрѣ, въ видѣ разсадника, тамъ, гдѣ для того нѣтъ мѣстныхъ средствъ. Нужно поощрять высокимъ вниманіемъ знаменитыхъ славянскихъ дѣятелей. Нужно, чтобы каждый подвижникъ славянскаго дѣла, гонимый за любовь къ своей народности, не оставался безпомощнымъ дома, а въ случаѣ крайности находилъ обезпеченное пристанище въ Россіи, чему болѣе всего могутъ способствовать ученыя русскія корпораціи, такъ какъ славянскіе дѣятели за границею почти всѣ принадлежатъ къ ученому сословію. Нужно, чтобы въ Россіи, по мѣрѣ надобности въ умѣлыхъ людяхъ, вызвали ихъ преимущественно изъ славянскихъ земель, гдѣ ихъ такъ много, и завели бы для того спеціальныя сношенія. Нужно всевозможными средствами распространять между заграничными славянами русскую литературу, открывая имъ матеріальные доступы къ ней: только въ этой литературѣ найдутъ они об-

щую народную связь между собою и съ нами. Нужно въ то же время знакомить Россію съ славянскимъ міромъ, усвоить нашимъ университетамъ и другимъ высшимъ заведеніямъ славянскіе курсы исторіи, статистики и проч. наравнѣ съ отечественными. Нужно, чтобы въ Россіи сознали, наконецъ, что славянское католическое духовенство, главный руководитель и хранитель народнаго чувства, исполнено любви въ Россіи, что оно состоитъ въ большинствѣ изъ горячихъ русскихъ патріотовъ,—и замѣняли бы имъ, на сколько найдется для того желающихъ (прежде всего въ арміи) нынѣшнихъ высшихъ и низнихъ ксендзовъ, ненавидящихъ русское имя. Нужно, по моему мнѣнію, открыть русскую службу, особенно военную, иностраннымъ славянамъ наравнѣ съ своими подданными, принимая служившихъ тѣмъ же чиномъ, не въ примѣръ другимъ чужеземцамъ; такое допущеніе будетъ полезно и намъ, и имъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Мѣры эти должны быть общимъ правиломъ, а не демонстраціею только на извѣстный случай; должно создать постоянное нравственное соприкосновеніе между Россіею и заграничными ея братьями. Тѣ изъ вышеприведенныхъ мѣръ, которыя не зависятъ отъ официальной власти, все-таки требуютъ почина сверху, безъ котораго у насъ покуда ничто не идетъ; но затѣмъ на русскомъ обществѣ лежитъ обязанность усвоить ихъ себѣ и распространить. Мало внушать эти чувства, надо создать на нихъ моду и потомъ превра-

тить ее въ дѣло чести. Затѣмъ если эти обязанности не войдутъ въ общее сознаніе, то нечего и говорить, — значитъ, нельзя вѣрить въ Россію.

Говоря о славянахъ, я понимаю всю группу народовъ, связанныхъ съ Россіею историческою судьбою единокровныхъ и единовѣрныхъ. Нельзя обойдти въ великомъ вопросѣ грековъ и румынъ; вторые особенно вросли въ сплошное тѣло славянщины и поневолѣ должны дѣлить ея участь. У обоихъ тѣ же враги и тоже безсиліе достигнуть законной цѣли собственными средствами. Греки понимаютъ очень хорошо, что единственный народъ, искренно желающій имъ освобожденія, готовый пролить за нихъ кровь,— все-таки русскіе и никто больше. Разница во взглядѣ на восточную имперію, на этотъ безсмысленный призракъ, котораго Россія, конечно, не можетъ допустить, на этотъ плодъ археологическихъ мечтаній ученой греческой партіи, — не охладитъ къ намъ народную массу, желающую только дѣйствительности: свободы и національнаго развитія. Никто не сомнѣвается, что Россія, выступивъ впередъ, увлечетъ за собою грековъ. Сомнѣніе это существуетъ относительно румынъ: вожаки ихъ сбиты съ толку упорною внѣшнею интригою. Но никакая интрига не можетъ долго устоять противъ очевидности; въ томъ же случаѣ очевидность полная. Единственный народъ, имѣющій разумную причину желать самостоятельности румынъ, единственный народъ, создавшій и под-

державшій эту самостоятельность, — русскіе. Не только румынское племя не можетъ собрать собственными силами свои разсѣянныя отрасли, попранныя, какъ и славяне, чужеземнымъ гнетомъ; но оно не можетъ устоять свободнымъ народомъ иначе, какъ съ русскою помощію. Переговоры между Австріею и Франціею въ 1863 году, великодушно располагавшими судьбою Румыніи, и многое другое изъ того, что говорилось и писалось въ Европѣ о румынахъ, должно, наконецъ, открыть имъ глаза. Судьба всѣхъ дунайскихъ народовъ колеблется теперь на остріѣ иглы: или они будутъ свободны въ союзѣ съ Россіею, или станутъ, сначала, провинціями, потомъ низшею расою, «словаками» венгерской Австріи. Побужденіе, не допускающее Венгрію или Австрію, а за нею Германію, согласиться на свободное существованіе турецкихъ славянъ, простирается въ той же мѣрѣ и на румынъ. Два милліона румынскихъ подданныхъ Венгріи, не говоря уже о стремленіи нѣмецкаго племени и его венгерскаго авангарда къ овладѣнію всѣмъ теченіемъ Дуная, составляютъ, кажется, достаточную угрозу для безващитныхъ дунайскихъ княжествъ. Въ случаѣ новой борьбы за восточный вопросъ, или, лучше сказать, за новый славянскій вопросъ, ставшій на мѣсто перваго, существованіе румынъ, не только какъ народа, но какъ людей, какъ гражданъ, будетъ зависѣть исключительно отъ побѣды Россіи. Гогенцоллернскій принцъ не обезпечиваетъ, а напротивъ, предвѣщаетъ ру-

мынамъ (въ дурномъ для нихъ смыслѣ) ихъ будущность. Когда людямъ предстоитъ выборъ между такими крайностями, тогда можно положиться на ихъ собственное чувство самосохраненія, не забывая, впрочемъ, по возможности неустанно раскрывать глаза всѣмъ и каждому. Греки должны быть съ нами, или долго имъ придется еще видѣть въ рабствѣ половину своего народа; румыны должны или быть съ нами или погибнуть. Ни тѣ, ни другіе не захотятъ послѣдняго исхода.

Россія нужна грекамъ и румынамъ; они не столько нужны, сколько дороги намъ, и должны быть дороги, даже румыны, не смотря на ихъ кичливость, какъ православные. Я не затрону, конечно, духовныхъ вопросовъ въ военно-политической статьѣ; но нельзя не замѣтить тутъ одной особенности. Православіе не разсѣяно по лицу земли, какъ католичество; оно освѣщаетъ сплошную массу народовъ, живущихъ рядомъ, тѣсно связанныхъ между собою съ перваго появленія въ исторіи, имѣющихъ передъ собою почти одинаковую религіозную, нравственную, вѣроятно, даже гражданскую будущность. Въ этомъ отношеніи православіе запечатлѣло особымъ, можно сказать, соціальнымъ свойствомъ. Неизмѣнное въ основаніи, оно помнитъ единство вѣры, просвѣщенія и гражданскаго общества, осѣнявшее первые дни его торжества,— преданіе, давно утратившееся въ католичествѣ. Можно удостовѣриться личнымъ опытомъ, что для каждаго священника, даже для каждаго мі-

рянина, воспитаннаго на церковной литературѣ, не только въ Румыніи, но даже въ Сиріи, даже въ Египтѣ, русскій Царь есть единый царь православный и законный, прямой наслѣдникъ Константина Великаго; прочіе только владѣтели. Въ Россіи лежитъ теперь средоточіе православнаго общества, не вѣры, конечно, но людей, исповѣдывающихъ эту вѣру, въ ней узелъ тѣсной, мірской связи между православными людьми всего свѣта. Намъ, русскимъ, никакъ не слѣдуетъ этого забывать.

Наша историческая сила въ громадномъ сочувственномъ народонаселеніи, окружающемъ юго-западные предѣлы Россіи. Наша слабость въ томъ, что мы вчера лишь сознали свое сродство съ десятками милліоновъ пограничнаго населенія и не только еще не овладѣли нравственно сочувственною стихіею, но едва начинаемъ понимать значеніе предстоящаго намъ новаго, вѣроятно, послѣдняго перелома въ русской исторіи. Не особенно трудно, однако же, исправить невольную ошибку первыхъ трехъ четвертей столѣтія. Въ нашъ быстротечный вѣкъ не только событія разыгрываются чрезвычайно скоро, но переворотъ во взглядахъ и чувствахъ людей совершается съ изумительною быстротою, коль скоро накопляются къ тому разумныя основанія, ни того, ни другаго нельзя мѣрять прежнимъ масштабомъ. Даже въ международной политикѣ главное дѣло въ твердомъ общественномъ сознаніи,—если есть только какая нибудь соразмѣрность въ силахъ; а сораз-

мѣрность эта въ нашемъ дѣлѣ очевидна. Нужно только, чтобы разумное побужденіе къ единодушному усилію стало очевиднымъ въ такой же степени.

Силы сочувственныхъ намъ заграничныхъ населеній громадны, но до сихъ поръ безсвязны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что славянскія и сосѣднія имъ православныя племена другой крови, сплетенныя съ ними одною судьбою, перевернули бы разомъ весь нынѣшній порядокъ вещей въ Турціи и Австріи, если бы могли согласиться между собою, если бы принялись за дѣло единодушно и не опасались остальной Европы. Но такое единодушіе, возникающее само собою, несбыточно и немыслимо, какъ немыслимо правильное движеніе планетъ безъ солнца въ средоточіи. Кромѣ того, въ этой глухой борьбѣ ни одинъ членъ великой семьи не обладаетъ достаточно явнымъ перевѣсомъ силъ и развитія, чтобы стать признаннымъ руководителемъ остальныхъ; но каждое племя отдѣльно борется противъ давящихъ его обстоятельствъ, ни одно племя не можетъ протянуть другому руку, потому, во первыхъ, что не можетъ собственными усиліями пріобрѣсть достаточной для того свободы дѣйствій, и, во вторыхъ, потому, что прямыя цѣли,— цѣли текущаго дня,—для каждаго иныя. Сочувственныя намъ населенія опутаны въ безвыходномъ кругѣ, не имѣя возможности ни достигнуть единодушія, такъ какъ имъ недостаетъ для этого самостоятельности, ни добиться

самостоятельности безъ предварительнаго единодушія. Даже независимые народы Балканскаго полуострова сербы, румыны, греки и черногорцы слишкомъ разрознены и подавлены гнетомъ Европы, чтобы серіозно думать о союзѣ. Безъ внѣшняго объединенія огромная масса славянскаго и православнаго міра безсильна; собранная вокругъ одного общаго устоя — она неодолима. Начиная съ сѣверной группы, большая половина австрійской арміи состоитъ изъ славянъ. При общемъ сзовѣ чешское племя, по обѣ стороны горъ, выставляетъ 120 тыс. первостепенныхъ солдатъ, русскіе галичане 60 тыс., словаки (смѣшанные, впрочемъ, съ другими населеніями въ венгерскихъ рядахъ) 30 т.; словенцы Илиріи и Штиріи также 30 тыс.; затѣмъ все сербское племя южно-австрійской границы составляетъ одинъ военный станъ, знаменитыхъ «красныхъ плащей»; далматы, первые моряки на Средиземномъ морѣ, комплектуютъ весь военный флотъ; венгерскіе румыны, стоящіе въ одинаковомъ положеніи съ славянами, ставятъ 80 тыс. солдатъ. Нѣмцевъ и мадяровъ, въ которыхъ заключается весь политическій устой Австріи, наберется въ рядахъ ея арміи, даже вмѣстѣ съ поляками, не болѣе 280 тысячъ. Конечно, славянскіе и другіе чужеплеменные полки теперь еще сила австрійская и притомъ вѣрная, пока надъ ними развѣвается черно-желтое знамя; но полки эти были бы еще вѣрнѣе своему народному знамени, если бы оно поднялось надъ ними.

Далѣе въ предѣлахъ Турціи, отъ Далмаціи до Румыніи, живетъ другая половина сербскаго племени, отъ природы народъ воиновъ, не задумавшійся возстать противъ всѣхъ силъ турецкой имперіи и отстоявшій свою независимость безъ чужой помощи; у Адріатическаго моря вѣтвь сербскаго племени, черногорцы, выстоявшіе въ продолженіе вѣковъ противъ страшнаго царства Солимановъ; на югѣ — греки, одни въ свѣтѣ готовые умирать за родное дѣло даже безъ надежды на успѣхъ; между сербами и греками 5 милліоновъ болгаръ, покуда еще не воиновъ, но способныхъ стать воинами, какъ всѣ славяне, способные, какъ мы видимъ, ежедневно потрясать свое ярмо. Наконецъ, въ тылу прочихъ, 4-хъ милліонный православный румынскій народъ; его порабощенные братья вопіютъ къ нему, Европа торгуетъ имъ въ своихъ политическихъ сдѣлкахъ,—придется же ему подумать о завтрашнемъ днѣ. Наши прирожденные союзники выставляютъ теперь почти полмилліона солдатъ для закрѣпленія надъ собою ненавистнаго ига; они выставятъ всѣ вмѣстѣ семсотъ тыс. солдатъ и за ними столько же мѣстнаго ополченія для огражденія своей независимости, когда у нихъ будутъ развязаны руки. До того еще многіе изъ нихъ станутъ не колеблясь рядомъ съ нами и всѣ пошевелятся сильно, какъ только мелькнетъ имъ возможность освобожденія не на словахъ, а на дѣлѣ. Но, конечно, не манифесты въ минуту войны вызовутъ къ довѣ-

рію нашихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ,— мы видѣли значеніе манифестовъ 1854 года,— а братское и дѣятельное сочувствіе, доказанное будничнымъ опытомъ, общность умственной и нравственной жизни до войны.

Такое великое дѣло не складывается разомъ; даже освобожденіе Италіи, ничтожное сравнительно по размѣрамъ, до сихъ поръ еще не закончилось. Нужно нѣсколько роздыховъ пока нынѣшніе «австро-дунайскій» и «татарско-балканскій» союзы, говоря европейскимъ языкомъ, обратятся изъ враждебныхъ для насъ въ братскіе. Покуда мы еще не соприкасаемся прямо съ славянскимъ міромъ не только нравственно, но даже географически; насъ отдѣляютъ отъ него на западѣ — Галиція, русская и польская, на югѣ—полоса уступленная Румыніи въ 1856 году.

Русская Галиція ставитъ неодолимую преграду нашему сближенію съ славянствомъ: она разрушаетъ довѣріе къ намъ въ самомъ зародышѣ. Спросите объ этомъ какого угодно заграничнаго славянина, онъ скажетъ: «какую надежду могутъ возлагать на Россію двоюродные братья, когда даже братья родные, стонущіе на русскихъ границахъ, не могутъ дождаться помощи?» Именно русская Галиція болѣе всего прочаго внушаетъ славянамъ мысль, что наше отечество въ душѣ имъ чуждо, что русское сочувствіе къ славянству составляетъ не болѣе, какъ выраженіе мнѣній небольшаго литературнаго кружка. Напрасно станете вы

доказывать славянамъ, что въ политикѣ дѣло не въ желаніи, а въ возможности и благопріятныхъ обстоятельствахъ: они стоятъ на томъ, что несчастные русскіе галичане могли быть освобождены безъ чрезвычайныхъ усилій въ 1849 году, потомъ въ 1859, потомъ еще въ 1866 году. Съ западными славянами можно будетъ говорить не безплодно объ ихъ дѣлахъ тогда лишь, когда кончится шестисотъ-лѣтній планъ Червонной Руси. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы станемъ непосредственно на предѣлахъ славянской страны.

Тоже самое чувство внушаетъ турецкимъ славянамъ видъ оторваннаго отъ Россіи Измаила. Они слышатъ отъ измаильцевъ такія слова: «въ первый годъ мы смѣялись надъ молдавскими чиновниками и дождались только слѣдующей весны; пришла весна, мы отложили надежду до третьяго года, потомъ до четвертаго; теперь мы перестали уже считать года, и молдавскіе чиновники смѣются надъ нами.» Люди надѣются на помощь того только, кто въ ихъ глазахъ умѣетъ помогать себѣ.

Тѣмъ не менѣе, кто можетъ усомниться въ неисчерпаемой жизненности и великой судьбѣ русскаго народа въ виду этого примѣра Червонной Руси. Нѣмцы становятся превосходными французами черезъ два столѣтія какъ въ Альзасѣ, французы отличными англичанами, какъ въ новомъ Орлеанѣ, поляки—ревностными пруссаками, какъ въ Силезіи. Но вотъ два клочка, оторванные отъ Россіи, одинъ вчера,

другой шесть вѣковъ тому назадъ,— и нельзя сказать, въ какомъ изъ этихъ обрывковъ русское чувство сильнѣе, который изъ нихъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ сращенія съ роднымъ деревомъ.

Первый шагъ, предстоящій современной Россіи, если она пойдетъ по своему историческому склону — освобожденіе прикарпатской Руси и Измаила. До того времени можно и нужно помогать славянамъ, какъ людямъ, и сближаться съ ними, но нечего говорить о славянствѣ и тѣмъ менѣе—толковать о несуществующемъ раздѣльно, недоступномъ для насъ и потому фантастическомъ покуда, восточномъ вопросѣ.

За исключеніемъ Червонной Руси, польская Галиція все еще остается сторожевымъ постомъ непріятеля по сю сторону Карпатовъ, т. е. можно сказать, — непріятель стоитъ въ «естественныхъ» предѣлахъ Россіи, дожидаясь благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ углу сосредоточивается главный фокусъ *наступательной* силы противъ насъ, въ углу противоположномъ, на юго-восточномъ загибѣ карпатскихъ горъ лежитъ узелъ *оборонительной* непріятельской силы, заслоняющей отъ насъ Балканскій полуостровъ. Западная Галиція въ рукахъ Австріи есть ежеминутная опасность польскаго вопроса и европейской войны изъ-за него.

Пока не разрѣшено всеславянское дѣло, польскій вопросъ не отдѣлимъ отъ восточнаго. Онъ служитъ во враждебныхъ рукахъ остріемъ,

которое можно направить въ нашу грудь, какъ только мы пошевелимся въ русскомъ смыслѣ, напримѣръ, поднимемъ восточный вопросъ. Кромѣ того, для двухъ великихъ державъ, Франціи и Австріи, польская будущность важна сама по себѣ: для Франціи, не говоря о народномъ чувствѣ,—потому, что независимая Польша разобщила бы Россіею съ Германіею и служила бы французамъ вспомогательною силою въ тылу Пруссіи; для Австріи — потому, что польская смута составляетъ единственное ея оружіе противъ Россіи, у которой цѣлый арсеналъ всякаго оружія противъ нея. Но разница между двумя государствами та, что для Франціи польскій вопросъ есть дѣло чисто политическое, что она не можетъ за отдаленностію управлять имъ непосредственно, а потому охотно сбыла бы его съ рукъ за хорошую цѣну; для Австріи—онъ дѣло жизненное. Понятно безъ объясненій, что тотъ день, въ который установился бы сердечный миръ между поляками и русскими, былъ бы послѣднимъ днемъ знаменитаго «дунайскаго союза». Передъ всякимъ австрійскимъ государственнымъ человѣкомъ и всякимъ венгерскимъ патріотомъ возстаетъ такая диллемма: или Австрія овладѣетъ польскимъ вопросомъ и оградитъ имъ себя отъ грозной сосѣдки, или Россія овладѣетъ имъ, и Польша станетъ не стѣною, а мостомъ между двумя массами славянщины— восточною и западною.

Едва ли Австрія можетъ опасаться въ поль-

скомъ вопросѣ серіознаго противодѣйствія Пруссіи. Эта послѣдняя такъ хорошо закрѣпостила свои польскія области, что не рискуетъ ими даже въ сосѣдствѣ независимой Польши; черезъ нѣсколько времени эти области станутъ такими же прусскими, какъ Силезія и Померанія. Между тѣмъ все, что необходимо для обезпеченія нѣмецкаго отечества со всѣми его захватами, составляетъ нравственную обязанность Пруссіи; когда станетъ очевиднымъ, что возстановленіе Польши необходимо для огражденія Австріи, т. е. нѣмецкаго преобладанія на Дунаѣ, Пруссія будетъ вынуждена содѣйствовать освобожденію. Она не станетъ даже слишкомъ упираться: независимая Польша для нея чрезвычайно выгодна. Возстановить Польшу нѣмецкими руками значитъ отдать ее на съѣденіе Пруссіи, значитъ пустить въ полный ходъ «Drang nach Osten», сдерживаемый русскою межею.

Очевидно, что по польскому, какъ и восточному вопросу узелъ враждебнаго противодѣйствія Россіи лежитъ исключительно въ Австріи. Прочіе наши недоброжелатели въ первомъ и во второмъ отношеніи только союзники ея, болѣе или менѣе прочные, хотя безъ исключенія искренніе, пока ихъ не увлекаетъ какой нибудь большой противоположный интересъ.

На случай опасности Австрія держитъ въ западной Галиціи, если можно такъ выразиться, польскую смуту въ видѣ экстракта: стоитъ

подлить въ него кипятку, и лекарство готово. Разсчетъ ясенъ. Въ случаѣ войны съ нами, Австріи нужно одно лишь, — чтобы польское возстаніе разлилось какъ можно шире, такъ же широко, по крайней мѣрѣ, какъ въ 1863 году, для отвлеченія возможно большаго количества русскихъ силъ съ поля битвы, на которомъ будетъ рѣшаться участь войны. При нашемъ военномъ устройствѣ безъ резервовъ успѣхъ такого разсчета весьма вѣроятенъ. Я не имѣю въ виду касаться въ этой статьѣ чисто военныхъ вопросовъ, но нельзя не замѣтить одной вещи. Посчитайте, сколько останется изъ 47-ми пѣхотныхъ дивизій, т. е. изъ 500 тысячъ регулярнаго войска всѣхъ оружій на лицо составляющихъ теперь *всю боевую силу Россіи*, противъ трехъсотъ тысячъ австрійцевъ, когда изъ этихъ 47 дивизій выдѣлятся войска, необходимыя для огражденія балтійскихъ и черноморскихъ береговъ, для подкрѣпленія кавказской арміи, для сформированія арміи на Прутѣ и для занятія западнаго края и Царства Польскаго, какъ во время послѣдняго мятежа (*). Теперь польская окраина гораздо опаснѣе въ рукахъ внѣшняго врага, чѣмъ была въ 1812 году, когда она бездѣйственно ожидала побѣды великой арміи;

(*) При войнѣ съ нами Австріи нѣтъ надобности развлекаться охраненіемъ прочихъ предѣловъ; за нею будетъ стоять сочувственная Европа. Не Пруссія ли станетъ помогать вырвать изъ австрійскихъ рукъ нѣмецкое наслѣдство на Дунаѣ? не Италія ли отважно бросится въ борьбу, пользуясь случаемъ, чтобы съ нею поступили, какъ съ Греціею въ 1854 году, высадили бы ей въ Неаполь Франциска II съ приличнымъ дессантомъ?

интеллигенція додумалась до настоящаго средства, какъ дѣйствовать противъ насъ. Каждая галицко-польская рота, вступающая набѣгомъ въ русскіе предѣлы, немедленно обратится въ полкъ, хорошо вооруженный на австрійскій счетъ. Рухавка съ скорострѣльными ружьями и твердымъ кадромъ не станетъ еще, конечно, хорошимъ войскомъ, но будетъ совсѣмъ уже не рухавкою 1863 г. и заставитъ насъ разбросать по краю еще больше дѣйствующихъ войскъ, чѣмъ при послѣднемъ мятежѣ.

Едва ли кто нибудь думаетъ, что польское дѣло въ самомъ дѣлѣ кончено. Всѣ составныя его части такъ же живы теперь, какъ и прежде, До сихъ поръ положеніе дѣлъ улучшено въ одномъ только отношеніи: народъ изъятъ изъ-подъ прямаго распоряженія высшихъ *свѣтскихъ* классовъ, склонныхъ къ мятежу. Эта мѣра составляетъ дѣйствительно значительное затрудненіе для самороднаго бунта, но не представитъ никакого препятствія бунту, поддержанному внѣшнею силою. Вѣрная область, занятая непріятелемъ, составляетъ для него все таки обузу, требуя раздѣленія силъ для удержанія ея въ покорности. Но нашъ западный край въ нынѣшнемъ его состояніи—не только привислянскій, но даже Волынская губернія, гдѣ всего десять процентовъ католиковъ, станетъ чистою Польшею, враждебною намъ землею, какъ только внѣшній врагъ вступитъ туда; непріязненная интеллигенція, не стѣсняемая никакимъ однокачественнымъ противовѣ-

сомъ, сейчасъ же захватитъ прежнюю власть и заставитъ мѣстное населеніе, вопреки желанію его, также ревностно трудиться въ пользу нашего врага, какъ стали бы трудиться самые чистокровные поляки. Численное преобладаніе русскаго народа не ослабитъ даже количества и качества вооруженной силы, которую эта же Волынская губернія въ подобномъ случаѣ поставитъ въ непріятельскіе ряды; десять процентовъ непріязненнаго населенія легко выставятъ полный контингентъ на всю область, если содержаніе семействъ, уходящихъ на войну, будетъ возложено на остальную массу. Нечего и говорить о губерніяхъ, гдѣ большая часть народа находится подъ вліяніемъ ксендзовъ. Напрасно, кажется, повторять извѣстную истину, что пока большинство образованнаго сословія и владѣльцевъ въ западныхъ губерніяхъ не станетъ русскимъ, къ чему мы приблизились очень мало, край этотъ будетъ подлежать всѣмъ случайностямъ войны въ такой же мѣрѣ, какъ и привислянскій. Въ Вѣнѣ, Пештѣ и Краковѣ знаютъ отлично это положеніе вещей.

Конечно, Австрія не выйдетъ на борьбу безъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Она держитъ въ своихъ рукахъ польскій вопросъ, какъ громоотводъ на случай восточнаго. Этотъ послѣдній составляетъ прямой поводъ къ европейской коалиціи противъ насъ. Налегая на него въ томъ смыслѣ, какъ онъ обы-

кновенно понимается, мы сами создадимъ эти благопріятныя для нея обстоятельства.

Польскій вопросъ можетъ служить орудіемъ для Австріи до тѣхъ лишь поръ, пока западный край, или хотя только шесть чисто русскихъ западныхъ губерній не станутъ вполнѣ русскими, чего такъ легко достигнуть (*). Тогда польскій вопросъ предстанетъ совсѣмъ въ другомъ значеніи и для насъ, и для сосѣдей. Безсмысленность мечты о возстановленіи старой Польши, бывшей не націею, а случайною и насильственною историческою федераціею, совершенно сходною съ нынѣшними *союзами* «австро-дунайскимъ и татарско-балканскимъ», станетъ очевидною для каждаго, даже для поляка, наравнѣ съ мечтою о возстановленіи имперіи Карла V. До 1863 года нельзя было винить поляковъ за такую мечту; имъ не было случая убѣдиться въ ея призрачности; какъ имъ было не мечтать о Польшѣ 1772 года, видя, что русскій человѣкъ не можетъ получить мѣста на службѣ въ Житомірѣ за то, что онъ русскій! Эмиграція остается и теперь при этомъ убѣжденіи, но русскіе поляки, не совершенно сбитые съ толку, начинаютъ по-

(*) Условія обрусенія опредѣлились теперь до очевидности: на это нужно нѣсколько десятковъ милліоновъ, настойчивость безъ насилія, искренность въ исполненіи и 3—4 года времени. За каждый десятокъ милліоновъ, не положенный заблаговременно на обрусеніе заднѣпровской страны, придется издержать сто лишнихъ милліоновъ при первой войнѣ, оставаясь все таки въ крайне опасномъ положеніи. Жертвы на западный край составляютъ расходъ не мирнаго, а военнаго времени, а потому не могутъ ни лежать на текущемъ бюджетѣ, ни соразмѣряется съ его растяжимостію.

*

нимать дѣйствительность. Еще одинъ разумный и смѣлый шагъ, и Россіи можно будетъ взять польскій вопросъ изъ рукъ Австріи въ свои руки, обратить его въ одинъ изъ частныхъ славянскихъ вопросовъ.

Полагая, что меня нельзя заподозрить въ недостаткѣ патріотисма, считаю себя въ правѣ сказать свое мнѣніе о польскомъ рубежѣ, на сколько оно касается общаго положенія дѣлъ.

Современная исторія достаточно уяснила сущность четырехъ-вѣковой расири Россіи съ Польшею. Въ этой распрѣ Польша дѣйствовала не отъ своего лица, а отъ имени Литвы, т. е. западной половины Руси, вступивши случайно въ ея права и притязанія. Притязаніемъ же было все-таки единство Россіи подъ державою западной или восточной династіи. Въ концѣ 18-го столѣтія споръ порѣшился — все древнерусское отошло опять къ Россіи. Сліяніе обѣихъ половинъ было бы теперь уже полное, если бы два первые наслѣдника Екатерины шли неуклонно по ея слѣдамъ; причины, затрудняющія его, созданы исключительно направленіемъ правительства съ 1796 по 1830 годъ. Во всякомъ случаѣ затрудненія эти чисто искусственныя, напоминающія не вѣковую рознь Англіи съ Ирландіею, а сословное противодѣйствіе высшихъ классовъ Неаполя, Ганновера или Франкфурта, хотя въ болѣе рѣзкой формѣ. Пока длится противодѣйствіе, оно составляетъ дѣйствительную опасность въ случаѣ войны; но правительственныя мѣры, давшія ему когда-то силу,

также точно могутъ положить ему конецъ. Тутъ идетъ дѣло не объ историческомъ вопросѣ — исторія сказала уже свое послѣднее слово, но о вопросѣ административномъ, финансовомъ и полицейскомъ, не до такой степени важномъ, чтобы связывать руки естественной русской политикѣ. Но за предѣлами русской окраины лежитъ окраина чисто-польская, доставшаяся намъ случайно, источникъ постоянной смуты для нашихъ западныхъ губерній,—и тутъ дѣло принимаетъ иной видъ; тутъ мы стоимъ на чужой почвѣ и видимъ не искусственное, а дѣйствительное непризнаваніе русской власти. Самыя мудрыя и справедливыя мѣры на этой окраинѣ, какъ надѣленіе крестьянъ землею, могутъ быть полезными политически лишь временно, при жизни поколѣнія, ими воспользовавшагося. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ привислянскомъ краѣ окажется милліонъ гражданъ вмѣсто двухъ сотъ тысячъ — вотъ, вѣроятно, окончательный результатъ надѣла. Въ настоящее время, разувѣрившись въ возможности какихъ либо уступокъ, наше правительство вынуждено необходимостію распространять мѣры, принимаемыя въ западномъ краѣ, и на привислянскій край; но сила вещей беретъ свое и тѣ же самыя мѣры далеко не ведутъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ тамъ и здѣсь. Западный край можно и должно обрусить вполнѣ и въ самое непродолжительное время; на обрусеніе Царства Польскаго, при нынѣшнемъ общественномъ состояніи Россіи, едва ли есть надежда;

надъ нимъ можно только поставить русскую вывѣску. Не говоря уже о значительно сильномъ устоѣ польскою націею польскаго духа, рядомъ съ привислянскимъ краемъ лежитъ Галиція — неисчерпаемый источникъ польскаго духа и польскихъ мечтаній; откуда они неудержимо переливаются въ принадлежащій намъ край. Даже завоеваніе краковской Галиціи, при настоящемъ складѣ вещей, не улучшило бы положенія; оно удвоило бы только численность сопротивляющихся. Тѣмъ не менѣе мѣры, принимаемыя къ обрусенію привислянскаго края, хотя подающія мало надежды на успѣхъ, приносятъ ту временную пользу, что составляютъ полнѣйшее отрицаніе автономіи царства, разрѣшавшейся до сихъ поръ постоянно и неизбѣжно мятежомъ. Покуда нельзя ни уступать полякамъ, ни питать основательной надежды переломить ихъ. Въ этомъ неутѣшительномъ положеніи вещей сказывается, можно думать, только переходный кризисъ русской исторіи, который будетъ длиться до тѣхъ лишь поръ, пока Россія, выросшая уже мѣстами изъ племенныхъ предѣловъ собственно русскаго народа, не станетъ въ дѣйствительности главою славянскаго міра. Рѣшительное поднятіе славянскаго знамени ставитъ иначе и польскій вопросъ, дастъ ему законный исходъ. Съ обрусеніемъ западныхъ губерній и съ провозглашеніемъ славянской идеи, привислянскій край не можетъ составлять для насъ никакого внутренняго вопроса. Польскому народу одинъ выборъ:

быть младшимъ братомъ русскаго народа или нѣмецкою провинціею. Онъ и теперь уже не что иное, какъ послѣдній объѣдокъ нѣмецкаго пиршества, поглотившаго родственныя ему населенія и части собственнаго его тѣла отъ Саалы до Вислы. Можетъ ли узкая полоса земли, сжатая между Россіею и Германіею, устоять въ видѣ государства, располагающаго верховною свободою дѣйствій, — что составляетъ теперь принадлежность только великихъ державъ? До какой степени ни считать поляковъ мечтателями, невозможно, противно логикѣ, чтобы многіе изъ нихъ, особенно умнѣйшіе, не видѣли неизбѣжности выбора между племенною самостоятельностію и гибелью. Объ эмиграціи нечего говорить: она стала народомъ кочевыхъ авантюристовъ, для которыхъ смута на Вислѣ, какъ и всякая другая, предлогъ; но осѣдлые поляки, даже фанатики, поймутъ свое положеніе, какъ только увидятъ $^3/_5$ имѣній Минской или Волынской губерній въ русскихъ рукахъ, особенно, когда увидятъ себя не на окраинѣ, а посрединѣ земель, сочувственно принимающихъ главенство Россіи въ общемъ союзѣ. Теперь полякъ, какъ человѣкъ своей національности, естественно дорожащій ею, находится дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи. Его можно не допустить до бунта, но нельзя отвратить отъ ежеминутной мысли о бунтѣ. Разувѣрившись въ Наполеонѣ, онъ продолжаетъ надѣяться на львовскій сеймъ, на барона Бейста, на Венгрію; покуда человѣкъ живетъ, долженъ

же онъ на что нибудь надѣяться. Онъ перестанетъ грезить о разрушеніи Россіи, когда передъ нимъ мелькнетъ возможность стремиться къ осуществленію сбыточной Польши, не становясь черезъ то русскимъ измѣнникомъ. До сихъ поръ существованіе русской партіи между поляками было невозможно: для такой партіи не оказывалось опредѣленной цѣли. Поляки считали болѣе удобнымъ и желательнымъ возстановить старо-польское государство на счетъ Россіи, чѣмъ польскую національность въ ея ограниченныхъ предѣлахъ съ помощью Россіи. Но когда съ одной стороны исчезаетъ всякая надежда увѣрить русскихъ людей Гродненской или Минской губерній, ставшихъ на свои ноги, что они имѣютъ что нибудь общее съ поляками, а съ другой стороны, напротивъ, воскреснетъ надежда сохранить дѣйствительную Польшу, то десять человѣкъ, сомкнувшись убѣжденнымъ кружкомъ, могутъ положить основаніе преобладающей партіи. Затѣмъ еще, конечно, останется много вздорныхъ мечтателей, но сила вездѣ въ передовой мысли, а не въ отсталой толпѣ. Создать такую партію, значитъ, взять польскій вопросъ изъ австрійскихъ въ русскія руки, свалить главную нашу опасность на голову врага. Что надо сдѣлать для этого? Полагаю ничего особеннаго: настойчиво, но безъ насилія, продолжать обрусеніе западныхъ губерній, не жалѣя для того никакихъ жертвъ; считать поляковъ славянскимъ народомъ, имѣющимъ въ глазахъ Россіи такое же право на

существованіе и на русскую помогу въ будущемъ для возсоединенія растерзанныхъ, но еще живыхъ его членовъ, какъ и всякой другой славянскій народъ; поставивъ такую цѣль передъ ними, отличать искреннихъ ея сторонниковъ отъ неискреннихъ, безъ чего нельзя управлять даже своимъ народомъ, не только чужимъ. Такая задача неодолима для Россіи, не сознающей своего историческаго значенія и дѣйствительнаго смысла лежащихъ передъ нею камней преткновенія, и, надо думать, не особенно трудна для сознающей. Поляки не идутъ по зову чеховъ въ австрійскій панславизмъ, чтобы не потерять поддержки правительства, въ которомъ покуда вся ихъ надежда. Другое дѣло голосъ Россіи. Если на зовъ русскаго правительства, приглашающаго поляковъ занять законное ихъ мѣсто въ славянской семьѣ, не откликнется скоро сильная партія, значитъ всѣ законы логики и вѣроятности перевернулись недавно вверхъ дномъ на бѣломъ свѣтѣ. Невозможно поднять славянское знамя, не признавая за поляками ихъ законнаго мѣста въ славянской семьѣ. Четыре милліона русскихъ поляковъ и два милліона поляковъ австрійскихъ, разлагаемые ежедневно въ ненависти къ Россіи, станутъ стѣною между нами и западнымъ славянствомъ. Съ другой стороны увѣковѣчиваніе нынѣшняго положенія вещей въ Польшѣ, возведенное въ принципъ, перепугаетъ все славянство, разрушитъ въ корнѣ всякое довѣріе къ намъ. Славяне, до сихъ поръ, боящіеся при-

зрака ненасытнаго русскаго честолюбія, примутъ нашъ братскій зовъ за уловку. Бунтъ поляковъ, возможный противъ Россіи, невозможенъ противъ союза, добровольно признающаго русское главенство, союза, обхватывающаго ихъ землю со всѣхъ сторонъ. Для меня эти вещи ясны, какъ дважды два четыре, не знаю, какъ для других.

Признаніе за польскимъ племенемъ его законнаго мѣста въ славянской семьѣ, при дѣйствительныхъ мѣрахъ къ обрусенію западнаго края, не ведетъ ни къ чему подобному политической системѣ Велепольскаго; составляетъ, напротивъ, полную противоположность съ нею: Система Велепольскаго въ конечной цѣли собирала польскія силы для того, чтобы направить ихъ на востокъ, на возстановленіе стараго, насильственнаго польскаго государства. Признаніе славянскаго права поляковъ направляетъ ихъ силы на западъ, на возстановленіе дѣйствительной и законной Польши, обращаетъ ихъ въ передовую рать славянскаго движенія и передаетъ польскій вопросъ изъ рукъ Австріи въ руки Россіи.

Если Россія возстановитъ, рано или поздно, славянскій міръ,—значитъ она призвана на это дѣло Провидѣніемъ, ей надо быть исполнителемъ судебъ, начертанныхъ для человѣчества. Но нельзя служить Провидѣнію, отказывая въ справедливости кому бы то ни было, особенно одному же изъ членовъ своего семейства.

Кромѣ раздраженія, посѣяннаго вѣковыми

событіями между поляками и русскими, польскій вопросъ, какъ племенной, ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстныхъ славянскихъ вопросовъ. Всѣ славяне находятся приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ поляки; всѣмъ имъ предстоитъ, какъ и полякамъ, выборъ между двумя исходами: сжаться около Россіи для сохраненія своей народной личности, или пожертвовавъ ею, дать обезличить себя. Обширная спорная полоса между предѣлами чисто-русскаго и чисто-нѣмецкаго племенъ, по большей части обхваченная уже политически послѣднимъ, будетъ совсѣмъ онѣмечена до послѣдней души,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если каждую изъ мозаичныхъ ея клѣтокъ предоставить собственнымъ силамъ. Какъ только закончится объединеніе Германіи, то славянамъ по обѣимъ сторонамъ Савы не останется уже никакой надежды. Пруссія дѣйствуетъ не такъ, какъ Австрія. Когда Фридрихъ Великій узналъ, что сельское населеніе Помераніи говоритъ еще по славянски, онъ приказалъ *положить конецъ этому сраму;* къ концу его царствованія «срама» уже не было. Многіе западные публицисты приглашаютъ славянъ «покориться своей участи добровольно, сгинуть безъ слѣда; значитъ, говорятъ они, непреклонная исторія не выдѣлила намъ особаго угла; противъ законовъ природы и исторіи нечего спорить»; такъ и случится, если славяне будутъ отбиваться врознь. Чешское племя, со всѣхъ сторонъ обложенное нѣмцами, исчезнетъ первое: за нимъ придетъ ско-

рый чередъ и другимъ. Если бы Россія не возникла вдругъ на рубежѣ Европы, о славянахъ не было бы уже и помина; оживленіе славянскаго духа въ нашемъ столѣтіи не имѣло бы повода. Что начато Россіею безсознательно, то ею же одною можетъ быть кончено сознательно. Не только славяне не могутъ избѣжать своей участи—народнаго обезличенія—иначе, какъ схватившись за русскую руку, но, даже поднявшись сами какимъ нибудь чудомъ, они не могли бы сохранить независимость иначе, какъ опираясь на Россію. Какая международная самостоятельность, разсчитанная на собственныя силы, возможна разрозненнымъ славянскимъ клочкамъ, стиснутымъ между нѣмцами и мадьярами, при подавляющей массѣ и высшей культурѣ первыхъ, при сильной политической организаціи вторыхъ? Въ наше время, когда Европа подѣлилась на нѣсколько огромныхъ массъ, когда лишь тотъ имѣетъ право на отдѣльное существованіе, кто выставляетъ полмилліона солдатъ, когда даже старыя государства, какъ Голландія и Швейцарія, начинаютъ бояться за свое будущее, что значитъ международный щебень, каковы чехи, хорваты и другіе?—когда, въ добавокъ, этотъ щебень не признается, презирается могучими сосѣдями, оскорбляетъ ихъ, становится внезапно поперегъ ихъ исторіи, надеждъ и интересовъ? Славянъ много — отъ Саксоніи до Архипелага; масса ихъ, дѣйствующая за одно, сильна и могла бы выдержать напоръ Германіи. Но въ чемъ найдетъ

эта масса общую связь? Въ союзѣ? Славянская страна прорѣзана въ нѣсколькихъ направленіяхъ полосами чуждыхъ и враждебныхъ ей племенъ, до сихъ поръ владычествующихъ; отдѣльныя части славянщины не могутъ безъ посторонней помощи подать руку другъ другу. Кромѣ того, на какомъ же языкѣ будетъ говорить этотъ племенной союзъ? Увѣряютъ, что на пражскомъ сеймѣ 1848 года славяне разныхъ нарѣчій разговаривали между собою по нѣмецки. Въ этомъ отношеніи, какъ во всемъ прочемъ, имъ нужно объединеніе; сами по себѣ они его никакъ не достигнутъ. Не примутъ же болгары по собственному выбору чешскій языкъ, или чехи — сербскій за общій политическій. Кромѣ того, нѣкоторымъ славянскимъ племенамъ, какъ болгарамъ, словенцамъ, словакамъ, доведеннымъ до положенія низшаго класса населенія на своей же землѣ, надобно еще сложиться въ народъ, что требуетъ времени, въ продолженіе котораго они не могутъ прожить безъ опеки. Славянъ много, они умны, храбры, жаждутъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ національной жизни; но ни добиться, ни удержать ее сами собою не могутъ. Славянскій міръ — это космическое облако, могущее стать сложившимся міромъ только при объединяющемъ центрѣ тяготѣнія.

Славянскіе народы должны стремиться къ двумъ цѣлямъ: каждый отдѣльно—къ самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, всѣ вмѣстѣ — къ тѣснѣйшему пле-

менному союзу съ Россіею и къ русскому главенству въ военномъ и международномъ отношеніи. Каждому племени нуженъ свой государь для домашнихъ дѣлъ и великій славянскій царь для дѣлъ общихъ. Безъ этого втораго условія самостоятельность какъ балканскихъ, такъ и дунайскихъ народовъ не сбыточна. Если бы ихъ освободить сегодня безъ объединенія около Россіи, завтра они очутились бы въ прежнемъ и еще худшемъ положеніи. Въ тотъ день, когда Россія подниметъ свое настоящее знамя, для каждаго славянина и для каждаго православнаго не будетъ истины очевиднѣе этой.

Глухая вражда къ намъ Европы и всегдашнія опасенія ея основаны именно на сознанной неизбѣжности такого оборота дѣла, какъ только будетъ данъ ему толчекъ. Австрія не допускаетъ независимости балканскихъ славянъ изъ чувства самосохраненія; но западныя державы не противились бы этой независимости, если бы могли надѣяться на полную политическую самостоятельность областей, освобожденныхъ хотя бы помощію Россіи. Англія нисколько не боялась освобожденія Италіи французскимъ оружіемъ, къ успѣху котораго она обыкновенно такъ недовѣрчива. Европа ревниво бережетъ Турцію, въ слѣдствіе увѣренности, что осколки ея не могутъ оказаться самостоятельными въ международномъ смыслѣ и, по естественному сродству, спасаясь отъ нѣмцевъ, примкнуть политически къ Россіи. Австро-славянскія населенія находятся въ такомъ же положеніи.

Но если балканскіе и дунайскіе народы не могутъ сдѣлать ничего безъ Россіи, то Россія также точно не можетъ особенно многое сдѣлать безъ нихъ. Противъ насъ Европа. Мы жили съ нею дружно, пока не было помину о племенной, непроизвольной задачѣ Россіи, навлекли на себя ея подозрѣніе, какъ только задача эта мелькнула впервые въ умахъ, и возбудили вражду, когда наша историческая личность достаточно выяснилась. Такой оборотъ дѣла былъ неминуемъ. Противъ объединенія Италіи было только нѣмецкое племя; противъ объединенія Германіи, если оно пойдетъ, какъ надо ждать, по программѣ всѣхъ извѣстныхъ ненасытныхъ нѣмецкихъ притязаній, будутъ многіе; противъ историческаго развитія Россіи, грозящаго еще большею ломкою, стоитъ вся Европа; только съ другаго берега океана смотрятъ на нее дружелюбно. Два первые переворота, итальянскій и нѣмецкій, проскользнули въ исторію нечаянно; никто не ждалъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они совершились, оттого только они не встрѣтили съ самаго начала рѣшительнаго противодѣйствія; второй, впрочемъ еще не конченъ. Мы же никакъ не можемъ достигнуть русскихъ цѣлей ни по восточному вопросу, ни по чему другому внезапно, пользуясь случаемъ: нашъ каждый шагъ давно уже стерегутъ. Конечно, Россія можетъ многое совершить въ минуту періодически повторяющагося раздора въ Европѣ; но чѣмъ болѣе совершитъ она, тѣмъ скорѣе соперники помирятся, чтобы дружно стать

противъ насъ. У Россіи нѣтъ въ Европѣ сознательныхъ союзниковъ, кромѣ своей естествен- семьи—славянъ и православныхъ. Когда семья эта проникнется довѣріемъ къ Россіи, надобно будетъ въ первую благопріятную минуту помочь ей приподняться, т. е. дойдти до нея, что требуетъ только побѣды на первыхъ порахъ. Для продолженія затяжной, нѣсколько разъ возобновляющейся борьбы, безъ чего не обойдется, у насъ будутъ уже свои союзники.

Главныя международныя затрудненія Россіи по восточному вопросу, польскимъ дѣламъ и владѣнію Чернымъ моремъ—спутаны въ клубокъ; ни одного изъ нихъ нельзя тронуть, не затрогивая прочихъ. Восточный вопросъ неразрѣшимъ на Балканахъ, польскій вопросъ не распутывается въ Варшавѣ, вопросъ о Черномъ морѣ не кончается на Босфорѣ. Всѣ три затрудненія стянуты общимъ узломъ, лежащимъ на среднемъ Дунаѣ. Какъ въ волшебной сказкѣ ужасы очарованнаго замка разрушаются только ударомъ въ магическій щитъ, запрятанный въ его тайникѣ, такъ и наши политическія затрудненія, безвыходныя на видъ, разрѣшаются однимъ ударомъ, направленіе котораго указывалъ еще покойный князь Паскевичъ. Ни одинъ изъ осаждающихъ насъ вопросовъ не уловимъ по одиночкѣ, потому что не заключаетъ въ самомъ себѣ сущности дѣла, а представляетъ только одну изъ ея сторонъ: сущность дѣла называется обще-славянскимъ вопросомъ. Задача не шуточная, но потому то для нея и нужны союзники,

тѣ единственные союзники, которыхъ мы можемъ имѣть въ такомъ дѣлѣ.

Мы видѣли невозможность почать славянское дѣло съ южной группы: намъ нельзя пройдти къ ней, да и не за чѣмъ. Ключъ позиціи, какъ говорятъ на военномъ языкѣ, лежитъ не тамъ. Если бы дѣла сѣверной славянской семьи устроились благопріятно, съ Турціи спялась бы крышка, подъ которою она доживаетъ теперь свои дни. Въ такомъ положеніи никакія усилія морскихъ державъ не продлили бы ея существованія даже на годъ. Мы столкнемся, вѣроятно, съ европейскимъ союзомъ на среднемъ Дунаѣ, но затѣмъ едва ли уже встрѣтимъ его въ Турціи.

Очевидно, Россія не можетъ допустить, чтобы участь спорной полосы внѣшнихъ ея окраинъ порѣшилась во враждебномъ для нея смыслѣ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣшеніе это будетъ вполнѣ враждебно намъ въ той мѣрѣ, въ какой мы допустимъ чужое, чье бы то ни было, вмѣшательство въ эти дѣла; другими словами, мы будемъ дышать свободно тогда лишь, когда устроимъ внѣшнія окраины собственными и сочувственными, теперь еще задавленными, силами, безъ спроса у Европы. Но для того надо прежде подумать о сочувственныхъ силахъ и внушить имъ увѣренность, что у нихъ и у насъ одинъ общій интересъ.

Говоря опредѣлительно, враждебное для насъ рѣшеніе текущихъ дѣлъ значитъ такое рѣше-

ніе, которое перенесетъ вопросъ съ нашихъ внѣшнихъ окраинъ на внутреннія окраины, что случится неминуемо, если затрогивающія насъ международныя дѣла будутъ разрѣшены не нами. Со времени восточной войны, пока мы ограничивались однимъ наблюденіемъ, всякое крупное событіе въ европейскихъ дѣлахъ складывалось положительно во вредъ Россіи (*). Такъ будетъ и впредь. При общемъ несочувствіи къ намъ, мы не можемъ полагаться на судьбу и случай и замыкаться въ самихъ себѣ. Выжиданіе не отвратитъ рѣшительной минуты, но создастъ вокругъ такую обстановку, что намъ нельзя будетъ ни покориться судьбѣ, ни бороться съ успѣхомъ. Восточный вопросъ двинется когда нибудь самъ собою, помимо нашей воли, — вслѣдствіе ли внутреннихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, или вслѣдствіе какихъ либо новыхъ политическихъ сочетаній въ Европѣ,— и разомъ вызоветъ наружу всѣ наши политическія затрудненія въ Польшѣ, на Черномъ морѣ, даже на Кавказѣ. Самый обыкновенный случай — обширное возстаніе въ какой либо части Турціи, дающее поводъ австрійцамъ, по предварительномъ соглашеніи, съ кѣмъ нужно, перейти черезъ Саву «для огражденія собствен-

(*) Война 1859 года создала для насъ новаго соперника въ восточномъ вопросѣ и усилила враждебный станъ двухъ-сотъ-тысячною арміею; война датская потрясла наше положеніе на балтійскомъ морѣ; война 1866 года сосредоточила силы и вниманіе Австріи на предметахъ, особенно намъ близкихъ, и поставила въ резервѣ за нею объединенную Германію, ручающуюся за нѣмецкіе интересы; кандійское возстаніе и греческое столкновеніе обезопасили Турцію на много лѣтъ и придали ей новую увѣренность.

ной безопасности на время безпокойствъ», можетъ послужить началомъ конца. Европа не раздѣлится въ такомъ случаѣ на два лагеря для защиты ненавистныхъ ей русскихъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ. Англія всегда станетъ на сторону того, кто ограждаетъ противъ насъ Балканскій полуостровъ; Пруссія покроетъ Австрію своимъ ручательствомъ, какъ въ 1854 году, что равняется оборонительному союзу; Франція не пойдетъ въ такую минуту на разрывъ съ Англіею, Австріею и Пруссіею для того, чтобы очистить намъ дорогу въ Константинополь. Что придется дѣлать въ этомъ случаѣ? Идти за Дунай въ обходъ Австріи? — нельзя. Идти на Австрію?—но покуда въ случаѣ войны изъ-за восточнаго вопроса всѣ вѣроятности на сторонѣ Австріи. Кромѣ того, что ея не отдадутъ на жертву, она, а не мы, держитъ ключь спорной окраины. Поддержанная ручательствомъ Пруссіи, Англіею, Турціею и смутою на нашей западной границѣ, всегда отъ нея зависящею, Австрія, при нынѣшнемъ отношеніи силъ, трудно уязвима для насъ и сама откроетъ наступленіе Пока наши средства воздѣйствія на австрійскихъ славянъ заключаются въ нынѣшнемъ славянскомъ комитетѣ, лишенномъ средствъ для осуществленія десятой части скромныхъ своихъ желаній, а средства воздѣйствія Австріи на *русскихъ славянъ* состоятъ въ львовскомъ сеймѣ и ста тысячахъ польскихъ солдатъ (подъ австрійскимъ знаменемъ всѣ галичане—поляки); пока русская партія не суще-

ствуетъ не только за Карпатами, но даже на Вислѣ, между тѣмъ какъ семь милліоновъ русскихъ подданныхъ, исповѣдывающихся у польскихъ ксендзовъ, принадлежатъ, въ огромномъ большинствѣ, въ случаѣ войны, къ австрійской партіи,—успѣхъ для насъ мало вѣроятенъ. За австрійскими дѣйствующими силами стоятъ многочисленные резервы, которыхъ у насъ нѣтъ; Австрія можетъ по сигналу возбудить организованную смуту во всей западно-русской окраинѣ и развлечь нашу армію, — мы не можемъ покуда отплатить ей ничѣмъ подобнымъ: за насъ будутъ, можетъ быть, сочувствія, но не поднимется ни одной руки. Слѣдствіе то, что австрійцы имѣютъ большія вѣроятности дать битву въ значительно превосходныхъ силахъ. А какимъ послѣдствіемъ разыгралась бы для насъ потеря большаго сраженія въ обстоятельствахъ 1863 года? По моему сужденію—отступленіемъ на Днѣпръ и провозглашеніемъ Польши въ предѣлахъ 1772 года съ эрцгерцогомъ въ головѣ; въ такой серіозной борьбѣ Австрія не поскупилась бы на Галицію. Конечно, мы можемъ быть гораздо сильнѣе нынѣшняго; дѣло въ естественныхъ силахъ Россіи, а не во временномъ ихъ устройствѣ. Но тѣмъ не менѣе, пока Россія не подниметъ надъ собою славянское знамя, пока славянскій вопросъ сосредоточивается въ рукахъ Австріи—матеріально по ту сторону границы и нравственно по сю сторону,—вѣроятность успѣха на войнѣ—по восточному ли вопросу, какъ въ 1854 г., по поль-

скому ли, какъ могло случиться въ 1863 году,— будетъ не на нашей сторонѣ. Мы можемъ, принявшись правильно за дѣло, вооружиться достаточно сильно, чтобы побѣдить при счастіи австрійцевъ и коалицію на среднемъ Дунаѣ; но даже при этомъ, встрѣчая въ Австріи однихъ австрійцевъ, не будемъ въ состояніи упрочить результатовъ пріобрѣтенной побѣды, безъ чего собственно восточный вопросъ всегда останется для насъ недоступнымъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ придется начинать дѣло и дѣйствовать въ томъ же безвыходномъ кругѣ.

Но что случится, если мы не побѣдимъ, за неимѣніемъ союзниковъ ни офиціальныхъ, ни неофиціальныхъ? Восточный вопросъ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ переговоровъ 1863 г., переносившихъ австрійскую границу на Балканы и отдавшихъ Дунай до самаго устья въ нѣмецкія или венгерскія руки (что въ сущности все равно), слѣдствіемъ чего будетъ въ близкомъ времени обращеніе Чернаго моря въ нѣмецко-турецкое, пока оно не станетъ совсѣмъ нѣмецкимъ. Война за восточный вопросъ разразится неизбѣжно (кромѣ прибрежій) на западной границѣ. Если мы не останемся побѣдителями, то одновременно разрѣшатся въ неблагопріятномъ смыслѣ для насъ дѣла какъ турецкой, такъ и польской окраины, т. е. Россія отодвинется на сто лѣтъ назадъ.

Пока длится распря между Франціею и Пруссіею, мы располагаемъ еще нѣкоторою долею свободы дѣйствія; когда она остынетъ или по-

рѣшится, намъ придется брать штурмомъ малѣйшее затрудненіе. Тогда, по всей вѣроятности, осуществится англо-австро-прусское соглашеніе, гораздо опаснѣйшее для насъ, чѣмъ соглашеніе западныхъ державъ. До сихъ поръ ему препятствуютъ только личныя настроенія: рыцарскій характеръ стараго короля и безвозвратныя воспоминанія австрійскаго дома.

Главный врагъ нашъ никакъ не западная Европа, а нѣмецкое племя съ его непомѣрными притязаніями. Побѣда склоняется на сторону того, кто возьметъ верхъ въ спорной землѣ—славянской по крови, нѣмецкой по политической географіи, раздѣляющей два могучіе народа. Когда закончится объединеніе германской породы въ предѣлахъ, гордо ею назначаемыхъ для себя, и она примется онѣмечивать славянъ прусскими мѣрами, будетъ уже поздно тягаться. Славянство внѣ предѣловъ Россіи станетъ ея жертвою. Съ тѣмъ вмѣстѣ покончится судьба послѣдней, великой арійской расы, съ ея зачатками для человѣчества, судьба уцѣлѣвшихъ еще политическихъ осколковъ православнаго міра внѣ Россіи и смыслъ нашей собственной исторіи, что̀ никакому народу не проходитъ даромъ.

Выскажу откровенно свою мысль: совре́менная Россія выросла уже изъ племенныхъ предѣловъ, дающихъ законность и устойчивость государственному бытію, и не доросла еще до другой высшей законности—стать средоточіемъ своего особаго славянскаго и православнаго мі-

ра. Россія не можетъ упрочиться въ нынѣшнемъ своемъ видѣ; политическая исторія также, какъ естественная, не увѣковѣчиваетъ неопредѣлившихся, недоконченныхъ видовъ. Все зависитъ теперь отъ рѣшенія славянскаго вопроса: Россія распространитъ свое главенство до Адріатическаго моря, или вновь отступитъ до Днѣпра. До сихъ поръ наше отечество шло вѣрнымъ шагомъ къ данной ему исторической задачѣ. Въ ту пору, когда славянскому и православному міру начинало уже грозить постигшее его порабощеніе, изъ варяжскаго удѣла выросло въ Москвѣ государство и сначала собрало вокругъ себя родное великорусское племя, потомъ всѣ вѣтви русскаго народа, получило на пути своемъ запись умиравшей восточной имперіи на ея нравственное наслѣдство и, наконецъ, перешагнуло въ предѣлы чужеплеменнаго славянства. Останавливаться теперь или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Россія могла бы остаться великою державою, не выходя на западѣ изъ своихъ племенныхъ границъ, не принимая на себя призванія, ставшаго теперь уже долгомъ—воскресить христіанскій востокъ; но она сдѣлала это и, можно смѣло сказать, не могла не сдѣлать. Какъ глава великой расы, возстановлявшейся постепенно въ ся лицѣ, и какъ прибѣжище всѣхъ православныхъ, Россія не замыкалась строго очерченными предѣлами и должна была выйдти изъ нихъ. На русскихъ царяхъ лежала и лежитъ печать особаго рода, не допускаю-

щая ихъ со временъ Ивана III замыкаться исключительно въ предѣлахъ своего государства, — печать единственныхъ въ мірѣ истинныхъ славянскихъ и православныхъ царей, живущихъ посреди развалинъ славянскаго или православнаго востока Европы. Понятіе объ общности славянъ всегда существовало у насъ, какъ стремленіе къ общности единокровныхъ— сначала великорусскаго народа, потомъ русскаго со всѣми его переходными оттѣнками — и естественно должно было дорости до своего настоящаго значенія. Никогда подобное стремленіе не возникало въ Польшѣ: она смотрѣла на себя какъ на государство, а не какъ на народъ и потому не имѣла никакого значенія для родственныхъ сосѣдей. Теперь Россія стоитъ уже посреди славянства нерусскаго, раздѣленнаго произвольною чертою между ея владычествомъ и нѣмецкимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе одноплеменности по обѣимъ сторонамъ рубежа, пониманіе общности вещественныхъ и нравственныхъ потребностей всей восточной Европы начинаетъ быстро созрѣвать. Минута рѣшительная и невозвратная, не допускающая долгихъ колебаній. Одно изъ двухъ: или Россія признаетъ себя государствомъ въ смыслѣ старой Польши, не болѣе какъ государствомъ, чуждымъ по душѣ всему внѣ своихъ случайныхъ предѣловъ, и приступитъ рѣшительно къ искорененію всякаго самобытнаго оттѣнка входящихъ или имѣющихъ войдти въ составъ ея родственныхъ племенъ; въ то же время

искренно и гласно отбросить всякую мысль о славянствѣ и православномъ востокѣ, всякое общеніе съ ними, напрасно отравляющее наши отношенія къ Европѣ, — оттолкнетъ ихъ отъ себя, станетъ впредь смотрѣть на нихъ глазами Пруссіи или Франціи; однимъ словомъ, запрется дома, сдерживая силою свои окраины, пока, съ теченіемъ вѣковъ, онѣ не сольются съ тѣломъ государства. Или же, оставляя за русскимъ народомъ его непоколебимое главенство въ славянскомъ и православномъ мірѣ, за русскимъ языкомъ — его несомнѣнное право быть политическимъ и связующимъ языкомъ этого міра,—Россія откроетъ объятія всѣмъ, кто по сердцу ближе къ ней, чѣмъ къ Европѣ на правахъ младшихъ, но самостоятельныхъ братьевъ одной великой семьи. Первое рѣшеніе идетъ въ разрѣзъ съ исторіею, — путь опасный! Но дѣло еще не въ томъ. Такое рѣшеніе, возможное при Екатеринѣ II, почти уже невозможно теперь. Мы зашли слишкомъ далеко: племенныя влеченія возбуждены, восточный вопросъ поднятъ, раздѣленная Польша стала яблокомъ раздора между нѣмецкимъ племенемъ и нами; общая связь всѣхъ этихъ затрудненій выказывается уже явно и носитъ опредѣленное имя. Искренность нашихъ отношеній къ Европѣ не возстановится больше, покуда не разразится и не уляжется гроза; намъ не повѣрятъ, если мы не воспользуемся всѣми своими средствами, прямыми и косвенными, для рѣшенія невозвратно поднятыхъ вопросовъ въ нашу пользу,

другіе порѣшатъ ихъ—во вредъ намъ. Первымъ послѣдствіемъ будетъ окончательное отнятіе у насъ Чернаго моря и враждебное владычество на немъ. Вторымъ—ненависть къ намъ оттолкнутыхъ сорока милліоновъ славянъ и православныхъ, которые рѣшительно станутъ во вражескіе ряды, да и нельзя имъ будетъ сдѣлать иначе. Третьимъ—непомѣрное подавляющее могущество сосѣдняго нѣмецкаго племени. Четвертымъ—все таки споръ изъ-за Польши, съ возможными его послѣдствіями; объединенные нѣмцы не станутъ добровольно подставлять намъ флангъ, когда можно оградить его, не подарятъ намъ почвы, столь удобной для посажденія на ней въ будущемъ нѣмецкой разсады, не упустятъ случая держать насъ въ постоянной тревогѣ; у нихъ останутся еще счеты съ ними на балтійскомъ взморьѣ. Пятымъ—дополнительныя статьи: Финляндія, Ливонія, Бессарабія, Крымъ. Отрекшись отъ своего историческаго призванія, Россія отречется вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ единственныхъ союзниковъ, на которыхъ можетъ разсчитывать. Собственными силами и въ свое собственное имя мы можемъ выиграть сраженіе, но не можемъ достигнуть никакихъ цѣлей. А между тѣмъ намъ все таки придется вести борьбу съ тѣми же препятствіями и съ тѣми же врагами—только не наступательную, а оборонительную, не за тѣмъ, чтобы кончить борьбу торжествомъ, а затѣмъ, лишь, чтобъ отдалить на сколько можно дурной исходъ ея. Историче-

ское движеніе наше съ Днѣпра на Вислу было объявленіемъ войны Европѣ, вторгнувшейся въ непринадлежащую ей половину материка. Мы стоимъ теперь посреди непріятельскихъ линій—положеніе временное: или мы собьемъ непріятеля, или отступимъ на свою позицію.

Кромѣ двухъ рѣшеній, о которыхъ шла рѣчь можетъ быть еще третье — средняя политика, худшая изо всѣхъ: хоть неопредѣленно и раздражать противъ себя цѣлый свѣтъ, ничего не дѣлая въ сущности и ни къ чему не готовясь положительнымъ образомъ. Не дай Богъ попасть на такой путь.

Война за чью-либо независимость можетъ имѣть въ виду только независимость — объ этомъ нечего и говорить. Для Россіи не существуетъ никакой разумной причины, нравственной, экономической или военной, желать новыхъ присоединеній въ Европѣ; въ русскомъ умѣ нѣтъ мысли объ обращеніи родственныхъ намъ странъ въ подчиненныя области. Червонная Русь и Измаилъ наши по своей природѣ. Привислянскій край при полномъ освобожденіи кровныхъ— не нашъ. Въ окружающихъ Россію славянскихъ и православныхъ земляхъ существуетъ шесть или восемь главныхъ центровъ тяготѣнія (это еще недостаточно выяснилось); около нихъ должны собраться народныя единицы. Даже покуда, если только Россія пойдетъ по своему историческому склону, наши мирныя усилія въ пользу своихъ близкихъ не должны быть безразличны, но строго сообразоваться съ особенными условія-

ми и потребностями каждато центра отдѣльно. Кромѣ этихъ естественныхъ группъ, есть еще мѣсто на землѣ, безмѣрно важное для насъ, лишенное всякой національности, но по своему исключительному положенію слишкомъ значительное, чтобъ принадлежать какому нибудь мелкому народу,—Константинополь съ его окрестностями и проливами. Самые положительные русскіе интересы заставляютъ желать, чтобы этотъ городъ, гораздо болѣе вѣчный, чѣмъ Римъ, былъ вольнымъ городомъ племеннаго союза.

Если исторія имѣетъ разумность, и освобожденіе нашихъ близкихъ состоится, то взаимныя отношенія ихъ между собою и къ намъ опредѣлятся силою вещей. Самостоятельность каждаго члена освобожденной семьи въ его внутреннихъ дѣлахъ, особый государь и особыя политическія учрежденія, какія кому удобнѣе,— все это уже рѣшено исторіею. Но совсѣмъ иное дѣло самостоятельность въ международномъ и военномъ отношеніяхъ. Мало освободиться, нужно остаться свободнымъ. При нынѣшнемъ раздѣленіи Европы нѣтъ мѣста кучкѣ маленькихъ народцевъ, распоряжающихся своими маленькими арміями, объявляющихъ войну, заключающихъ миръ и союзы—каждый отъ своего лица. И гдѣ же?—между русскою и будущею нѣмецкою имперіями. И кто же? непризнанныя Европою, отвергнутыя племена, на которыхъ вчерашніе владыки долго еще будутъ смотрѣть какъ на взбунтовавшихся подданныхъ, выжидая удобнаго случая для новаго порабощенія.

Создать подобный хаосъ, полный споровъ, неурядицы и междоусобій, неувѣренный въ своемъ существованіи даже на завтрашній день, обременительный для всѣхъ и болѣе всѣхъ для самихъ освободителей, — значило бы взять на себя не возстановленіе, а разрушеніе законныхъ правъ и порядка въ Европѣ, значило бы предать общему посмѣянію величайшій изъ всемірныхъ вопросовъ, и черезъ нѣсколько времени очутиться въ прежнемъ безъисходномъ положеніи. Освобожденному востоку Европы, если онъ будетъ освобожденъ, нужны: прочная объединительная связь, общій глава съ общимъ совѣтомъ, веденіе международныхъ дѣлъ и военное начальствованіе въ рукахъ этого главы, русскаго царя, естественнаго начальника всѣхъ славянъ и православныхъ. Нужно, чтобы гражданинъ каждаго народа объединенной семьи былъ полноправнымъ гражданиномъ всей семьи. Нѣтъ надобности ставить всѣ вооруженныя силы союзныхъ народовъ подъ русское знамя, на сѣверо-германскій образецъ; достаточно, чтобы дѣйствующія войска, по мирному и военному положенію, на своей или на чужой землѣ, какъ укажетъ надобность, чтобы союзныя крѣпости, входы въ Черное море—состояли въ полномъ распоряженіи и управленіи главы союза. Великая семья, самостоятельная въ каждой отдѣльной своей части, будетъ для свѣта единымъ государствомъ.

Рѣшившись высказаться до конца, я долженъ прибавить слѣдующее. Хотя личныя от-

ношенія царствующихъ домовъ между собою имѣютъ теперь меньше значенія, чѣмъ прежде, но все же значеніе это остается; особенно въ племенномъ союзѣ, подчиненномъ одному главѣ, внесеніе разнородныхъ династическихъ преданій, связей и притязаній можетъ расшатать, даже разрушить, только что зараждающееся единство. Когда возникнетъ великая восточная семья, то единство ея упрочится только общностію семейныхъ престоловъ въ одной династіи. Каждый русскій, какъ славянинъ и каждый православный, искренно стремящійся къ такой будущности, долженъ желать, чтобы преимущественно русскій царствующій домъ покрылъ своими вѣтвями освобожденную почву восточной Европы, подъ главенствомъ и предводительствомъ русскаго Царя, давно уже признаваемаго, въ чаяніи народовъ, прямымъ наслѣдникомъ Константина Великаго. Отдѣльность восточнаго европейскаго міра, заложенная еще въ древности, даетъ плоды только теперь, черезъ полторы тысячи лѣтъ. Было время, когда подобное объединеніе начало осуществляться въ домѣ Ягеллоновъ; но за нимъ не оказалось другаго значенія кромѣ чисто династическаго, безъ всякаго отношенія къ народнымъ пользамъ, Россія выростала въ сторонѣ отъ него, — разумѣется оно осталось безплоднымъ.

Знаю, что многіе назовутъ мои заключенія поэзіею. Но я высказалъ уже свое убѣжденіе, основанное на достаточномъ рядѣ доводовъ; если не осуществится эта поэзія, не смотря на то,

что тысячелѣтняя исторія неотразимо влечетъ къ ней, то Россія, какъ государство, едва ли устоитъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ. Народности пошли теперь складываться воедино, неясные рубежи стали шаткими, перевороты совершаются съ поражающею быстротою. Духъ времени за одно съ дѣйствительнымъ смысломъ нашего положенія допускаетъ только два рѣшенія: Россія, какъ мѣстное государство русскаго народа, или Россія, какъ средоточіе славянскаго и православнаго міра.

Въ отношеніи къ настоящей минутѣ эти два рѣшенія выражаются двумя глаголами: выжидать или дѣйствовать.

Сначала дѣйствіе Россіи можетъ быть только нравственное. Гласное признаніе своего права быть представительницею родственнаго міра, при первой возможности, возвращеніе подъ отчій кровъ послѣднихъ порабощенныхъ обрывковъ русскаго народа, умственное и сердечное единеніе съ своею историческою семьею, единодушное стремленіе къ общей цѣли по обѣимъ сторонамъ рубежа должны предшествовать единенію политическому. Затѣмъ въ благопріятныхъ случаяхъ не будетъ недостатка: девятнадцатый вѣкъ не есть вѣкъ мира и спокойнаго процвѣтанія для Европы.

Но, каково бы ни было единодушіе, какъ бы случай ни былъ благопріятенъ, это великое дѣло можетъ рѣшиться только силою, и на первыхъ порахъ одною русскою силою. Теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, намъ нужна армія,

соотвѣтствующая числомъ и качествомъ величію задачи, предуставленной для Россіи, армія русская, а не отвлеченная, воспитываемая ея боевыми начальниками, понимающими духъ и складъ русскихъ солдатъ и русскихъ полковъ. Съ полумилліономъ такого войска на западной границѣ (что совершенно исполнимо, не выходя изъ нынѣшнихъ расходовъ), съ единствомъ и полномочіемъ командованія, по учрежденію 1812 года, задача достижима. Это можно доказать, какъ дважды два четыре, всякому военному и невоенному.

Такое заключеніе о политическихъ потребностяхъ эпохи и о размѣрѣ усилій, ими вынуждаемыхъ, я положилъ въ основаніе разсчета «Вооруженныхъ силъ Россіи»

Изъ политической постановки вопроса не слѣдуетъ, однако же, чтобы мой разсчетъ оказался неправильнымъ, еслибы этихъ цѣлей не имѣлось въ виду. Выжиданіе требуетъ отъ насъ такого же точно развитія силъ, какъ и дѣйствіе. Выжиданіемъ нельзя отвратить событій; только минута будетъ выбрана не нами и не по нашему удобству, все прочее останется неизмѣннымъ. Мы столкнемся съ тѣми же противниками (не исключая Пруссіи), съ тѣмъ же числомъ солдатъ и пушекъ изъ-за недоступнаго восточнаго вопроса и его неизбѣжнаго дополненія—неразрѣшимаго польскаго, какъ и по поводу доступнаго и осмысленнаго вопроса всеславянскаго, съ тою лишь разницею, что въ первомъ случаѣ даже побѣда останется для насъ

безплодною, какъ Новара для Австріи: она только отдалитъ опасность; во второмъ даже пораженіе будетъ плодовиго, какъ та же Новара для Піемонта, скрѣпляя наши узы съ кровными, усиливая насъ нравственно къ будущему.

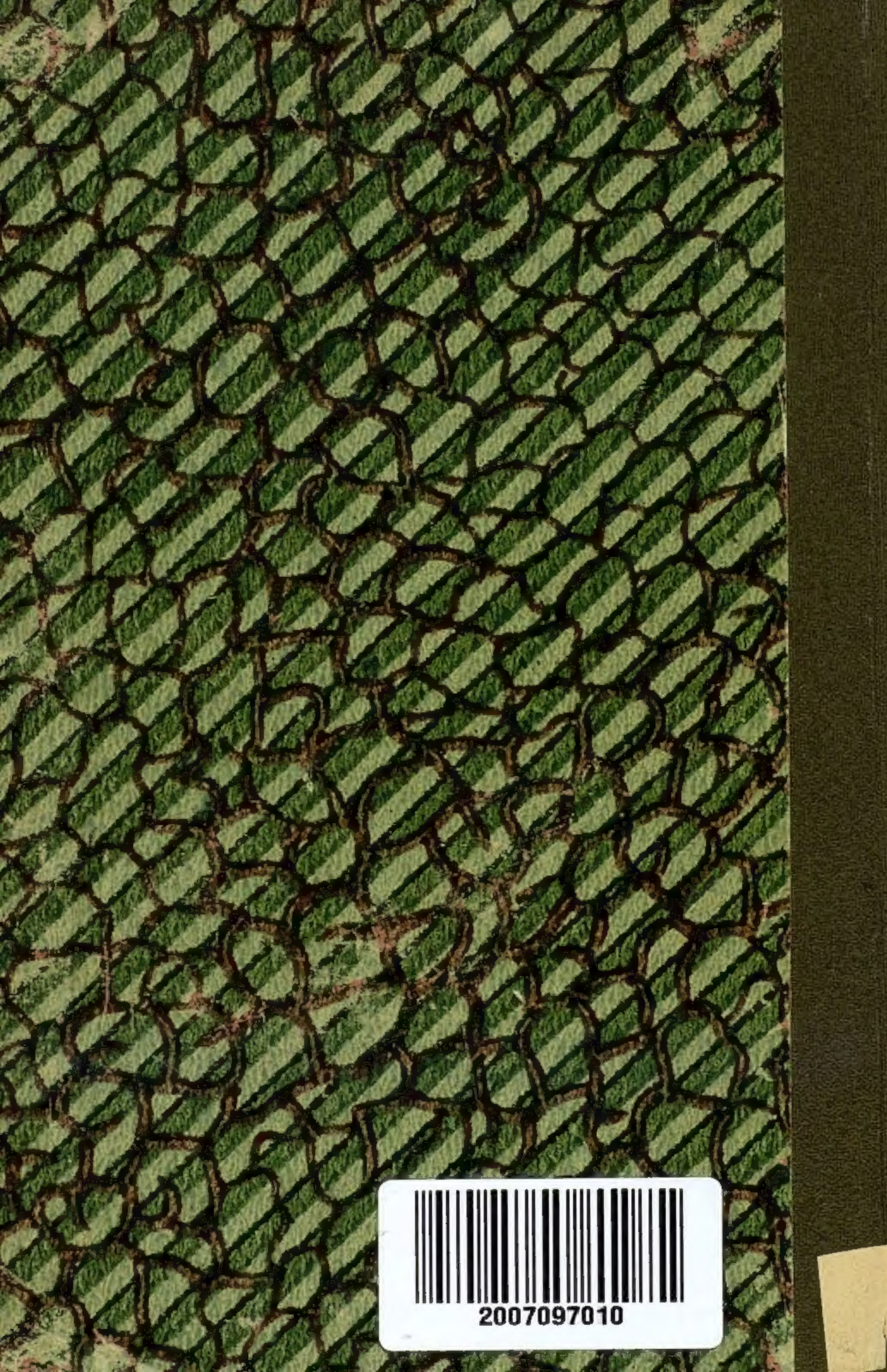
Многіе, вѣроятно, найдутъ мою искренность неосторожною. Я не разъ слышалъ такіе упреки; но остаюсь при убѣжденіи, что русскому слѣдуетъ говорить о дѣлахъ своего отечества такъ же ясно, какъ говорятъ о нихъ чужіе. Слово въ наше время есть оружіе, а безоружному съ вооруженнымъ нельзя бороться. Полагаю, что государства и народы, о которыхъ говорится въ моей статьѣ, совершенно равнодушны къ тому, что думаю я лично о восточномъ вопросѣ. Когда же мысль о всеславянствѣ станетъ государственною, она сверкнетъ въ глаза всѣмъ, какъ молнія; тутъ же не будетъ мѣста тайнѣ. Наши дѣла пойдутъ успѣшно тогда только, когда деревенскія женщины на берегу Молдавы или на отрогахъ Балкановъ, убаюкивая своего ребенка, станутъ говорить ему: «не плачь, вотъ скоро придутъ русскіе помогать намъ и принесутъ тебѣ гостинецъ».

Я изложилъ свое мнѣніе о восточномъ вопросѣ. Это мнѣніе можно сжать въ нѣсколько словъ. Дѣла сложились такъ, что восточный вопросъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ, представляетъ для насъ квадратуру круга, неразрѣшимую никакими средствами въ настоящемъ, не оставляющую никакой надежды въ будущемъ; дѣло это при-

зракъ, стоящій надъ нашимъ изголовьемъ, и противъ котораго нельзя ничего предпринять, именно оттого, что оно призракъ, несамостоятельная половина другаго болѣе важнаго дѣла. Восточный вопросъ въ обширномъ смыслѣ, т. е. вопросъ о восточной Европѣ — дѣйствительность, не легко достижимая, потому что въ ней заключается міровая историческая задача, но все-таки дѣйствительность, живой противникъ, съ которымъ можно схватиться и одолѣть его, вѣруя въ Провидѣніе и себя самихъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Стран.	*Строки*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
4	1 снизу	государствъ	государства
9	11 —	гургомъ	гуртомъ
11	8 сверху	избрать	набрать
19	18 —	всего	и всего
21	13 —	открыть дорогу	открыть коалиціи дорогу
25	10 —	такъ	тамъ
37	5 снизу	придаютъ	придадутъ
41	9 сверху	дается	дастся
46	5 —	всѣхъ	верхъ
—	7 —	вопроса	восточнаго вопроса
61	11 снизу	къ углу	какъ въ углу
73	8 —	разлагаемые	разжигаемые
74	6 —	надо	дано
84	12 —	1872	1772
86	12 —	арамейской	арійской
—	11 сверху	склоняется	склонится

2007097010